

ОДНА и ДВѢ,

ИЛИ

ЛЮБОВЬ ПОЭТА.

РОМАНЪ ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. В. Соколовскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1834.

С-59

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.
Москва, Октября 20 дня, 1833 года.

Ценсоръ *А. Болдыревъ.*

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ

ДМИТРИЕВУ.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Во время оно, въ Греціи, жилъ-былъ Поэпъ Лизиппъ.... Покойникъ, копорому да поднесётъ Юпиперь рюмку некпара, говаривалъ: » кпо не хочепть видѣпть Аѳинъ—попъ глупъ; кпо видипъ ихъ и кому они не нравяпся — попъ гораздо глупѣе; но кому они нравяпся и кпо оспавляепъ ихъ — попъ глупъ въ самой высочайшей степени. «

Узнавши случайно сіи знаменитыя аксіомы, я, какъ человекъ оспороженный, нисколько не упрекнулъ его въ приспрасптіи... Даже напропивъ!... Повѣря собственныя свои чувства, я рѣшился выразить ихъ подражая убедительному лаконизму почтеннѣйшаго Господина Лизиппа, и попому говорю прямо, отъ души и безъ всякихъ вычуръ, слѣдующее:

Укого есть такой Высокій одобрипель, какъ Вы—пому хорошо; кпо можетъ написать какую нибудь бездѣлицу и посвятить Ему—пому очень хорошо; но кпо успеетъ угодить этимъ посвященіемъ — пому ужъ будетъ такъ хорошо, какъ нельзя лучше!...

В. Соколовскій.

ОДНА И ДВѢ,

ИЛИ

ЛЮБОВЬ ПОЭТА.

РОМАНЪ ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ.

Мышай съ пвоею му-
дростию небольшой при-
емъ глупости.

Гораций. Од. 12.

ГЛАВА I.

ОБЫКНОВЕННЫЯ ВЕЩИ.

Уговоръ—лучше денегъ.

Обветшала Русская поговорка.

Вы купили мою книгу, вы взяли её изъ публичной библіотеки, вы доспали её у вашихъ знакомыхъ, вы хопите

непремѣнно прочесть её всю—опть начала и до конца: куда какъ это умно придумано!... Какъ-же вы чипаете?... Про себя?... Вопть вамъ Волперовскія кресла — раскиньпесь на нихъ; вопть вамъ кушетка—облокопипесь на эту эласпическую подушку.... Вы лѣнивы?... Вопть вамъ пуховикъ—упонипевъ нѣмъ и чипайпте себѣ съ Богомъ!... Или, можетъ бытъ, вы любипте чипашъ вслухъ?... Вамъ всегда хочепся имѣпть вокругъ себя самыхъ внимательныхъ собесѣдниковъ?... Вы немножко эгонсптъ, милоспивый государь, но кпю же не внукъ своей бабушкѣ?... придивипте-же вашъ спулъ къ этому круглому или чепьрехугольному сполу; взглянипте съ нѣкопорою увѣренностпю на все собраніе; сядыпте прямо проптивъ хозяйки; если вы въ госпяхъ—это самое инпересное мѣспо.... Вы до-

ма?... Такъ велипте-же подапть прубки эпимъ двумъ господамъ военнымъ, если полько запахъ хорошаго Пе-А не дѣлаептъ верпнижа у вашихъ дамъ. Эпому полсптому Совѣлнику, спарому, безцеремонному другу вашего семейспва, прикажипте прибавипть нюхательнаго пабаку и пуишу: у него ужъ почпи нѣтъ ни шого, ни другаго; а въдь вы знаете, что привычка — впорая напура.... Эпаго молоденькаго арпимлериспа съ черными усиками помѣспипте какъ можно ближе къ себѣ, полько чтообы спулъ его былъ чупъ чупъ сзади вашего: эпакъ ему очень ловко мѣняптся взглядами съ хорошенькой блондиночкой, копорая вяжептъ для него чудный бисерный кошелѣкъ.

Теперь попросипте позволенія поодвинуть къ себѣ эту бронзовую лампу съ маповымъ зонпикомъ, или эпѣ

двѣ восковыя свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, или, наконецъ, эпѣ сальныя свѣчки, опѣ копорыхъ пакъ не кспани спрадаешъ нѣжное обоняніе какой-нибудь мѣщанки во дворянствѣ... Всѣ спихли!... Пользуйпесь счастливою минупою: прокашляйпесь и начинайпе....

Кпо изъ насъ не знаетъ поговорки, чпо на вкусъ, любовь и цвѣпъ — поварища нѣпъ... Вѣдь поди не даромъ-же безсмертный Гавріиль Романовичъ сказалъ какъ-по:

И словомъ—попъ желалъ арбуза,

А попъ—солёныхъ огурцовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, всякій желаешъ чего-нибудь особеннаго; но эпо *что-нибудь* пакъ разнообразно въ своихъ оппѣнкахъ, въ своей частной сущности, чпо, право, никакъ не лзя предспавипъ себѣ, чпобы всѣ люди имѣ-

ли одну и ту-же. общую цѣль: собственную выгоду.... Сверхъ того, одному нравится одно, другому — другое.... О примѣрахъ ни слова!... Разнообразность человѣческихъ требованій видна вездѣ и во всѣмъ: въ частной жизни, въ службѣ и особенно въ импературѣ. Тутъ рѣшипельно у каждого чипапеля свои желанія: одинъ хочешъ, чпобы его смѣшили; другой или другая непременно добиваешся слѣзъ, а инымъ просто ничего не хочешся, и они-по будутъ самыми спрогими цѣнипелями....

Вопъ небольшое вспуленіе къ моему большому повѣспвованію, за пѣмъ, чпобы многіе не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ.... Въ эпиграфѣ сказано: »уговоръ лучше денегъ« и попому я считаю долгомъ предупредипъ всѣхъ чувспвишпельныхъ чипапельницъ и чи-

пателей, чтобы они не прудились
брасть въ руки моей книги.... Всѣ этъ
охопниці и охопники до театраль-
ныхъ нечаянностей и до разныхъ раз-
ностей, отъ которыхъ замираетъ
сердце, волосы спановяпся дыбомъ и
морозъ пробѣгаетъ по кожѣ — всѣ онѣ
могутъ обратиться со своими пребо-
ваніями, куда слѣдуетъ, по принадле-
жности....

Есть еще люди, съ которыми мнѣ
не хотѣлось — бы имѣть никакого дѣ-
ла; но спойтъ-ли говорить о *недо-
трогахъ* (*grudes*), и можно-ли пере-
сказать о прочихъ шаковыхъ — же?...
Судите только послѣ эпюга, каково
положеніе писателя!... Чпо голова — по
приговоръ, чпо голова — по крипика.
Хорошо еще, если кто изъ нашей
брапни рѣчиспъ, въ свою мѣру, на
бравные возгласы; но я... я человекъ

самый кропкій; къ пому-же у меня
нѣтъ ни покровителей *вообще*, ни дру-
зей — въ *литературѣ*. Я иду своею
собственной проселочной дорожкой; я,
не во гнѣвъ инымъ, не подражаю ни
кому, хотъ иногда характеръ моихъ
сочиненій и сбиваетъ, можетъ быть,
на Лалла-Рукъ; я имѣю, благодаря Бо-
га, свои особенныя правила; я люблю
чипателей-друзей; съ друзьями — сво-
боду; и попому навсякій случай усер-
дѣйше прошу всѣхъ людей съ *претен-
зіями* закрыть мою книгу на этой-же
спраницѣ и далье не дѣлать ни шагу:
чпо за охопа чипать авпора, копо-
рый находить безиравственное въ од-
номъ развращеніи души.

Я пишу быль; я передаю вамъ о
помъ, чпо видѣть собственными гла-
зами, или чпо мнѣ случилось узнать

опть самыхъ вѣрныхъ свидѣтелей, и надобно сказаць правду, что я передаю это рѣшиительно безъ всякихъ пропусковъ...

Я помню слова Монпаня и вѣрую въ нихъ, а старичокъ сказалъ, что наша жизнь состоитъ опчаспи изъ глупоспи, опчаспи изъ мудроспи, и что говоритъ только о послѣдней, потъ не договариваетъ большей половины... Что-же за надобность вдаваться въ ошибки, когда можно ихъ избѣгнуть?

Да! мои прелестныя!... Да! мои почпennyйшіе!... Я не поручусь здѣсь за что другое, а ужъ истина такъ вѣрна, такъ вѣрна, какъ дружба Каспора и Полукса, какъ молодая жена въ первый день послѣ брака... (дальше не ручаюсь!...) однимъ словомъ—какъ математика!

Предваря такимъ образомъ всѣхъ и каждаго о самомъ себѣ и о своемъ пвореніи, мнѣ очень позволительно воскликнуть вмѣстѣ съ Теоораспомъ:

» И такъ я начинаю свою рѣчь! Вамъ оспаеся вникаць въ ея смыслъ и разсмапривать со вниманіемъ, еспь-ли въ моихъ словахъ истина. «

Или, не прогая древнихъ, я могу сказаць словами шупливаго Фильдинга:

» Послѣ сего опспуиленія, которое показалось мнѣ необходимымъ, я приспупаю къ описанію *истиннаго произшества*. «

Вы уже сыграли двенадцать роберповъ, а до ужина еще бшпыхъ два часа... Что дѣлать, когда нѣчего дѣлать?... Семъ почишаемъ!...

Я не учу — я рассказываю.

Монтань.

ГЛАВА II.

ЧУДНЫЯ ВЕЩИ.

Любовь родился вдругъ.... Какая нибудь черпа красоты окывиваетъ наше вниманіе и рѣшаетъ нашу участь.

Ля - Брюйеръ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, поестъ когда мнѣ было ровно двадцать при года, и когда я полько чпо на-

дѣль шпаб-офицерскіе эполеты, со-всѣмъ не лихая пройка впаскивала въ Петербургъ мою неперпѣливую особу. Съ досады, я разъ десяпъ начиналь бранипъ ямщика, своего Пепрушку и лошадей, или принимаясь за кропкія средспва, обѣщаль двумъ первымъ на водку и премъ послѣднимъ на овесъ, однакожь ничпо не помогало: чѣмъ далѣе, пѣмъ пише подвигался я впередъ по весенней слякопи.... Быспро наполнялась мѣра монхъ спраданій, — вдругъ два полоза кибипки скользнули на мостовую очищенныхъ улицъ, чпо-по спрашино визгнуло ввизу, опозвалось въ душѣ и безбожно начало пиранипъ несчастныя барабанчики моихъ ушей.... Голова моя пошла кругомъ; меня проняла лихорадка; я сперва вывышелъ изъ перпѣнія, попомъ вышелъ изъ повозки и не помня себя,

безъ оглядки пустился на *Офицерскую*, въ домъ добраго моего пріятеля... Мнѣ казалось, что за мною гоняпся и что меня заспавяптъ дослушавъ всю убійственную увертюру, копорая оглушила меня на моемъ пюфякѣ.

Вбѣжавши во дворъ, я въ какомъ-то невольномъ спрахѣ заперъ за собою калитку, въ при прыжка очутился въ бель-этажѣ, и черезъ минушу былъ въ объятіяхъ прежняго своего поварища Григорья Федоровича Смѣльскаго.

Размѣнъ привѣтствій перерывался дружескими поцѣлуями; наконецъ онъ пощиплъ меня въ гонину въ моментъ дорожномъ сюрпукѣ, въ моихъ грязныхъ сапогахъ.

» Лизанька! « (сказалъ онъ входя своей жень), » рекомендую тебѣ моего

друга Петра Петровича Пролева, о копоромъ я такъ часпо рассказывалъ. Добрый малый, славный шалунъ и въпреникъ до нѣльзя.—Я поблагодарилъ его за рекомендацію, поцѣловалъ маленькую бѣленькую ручку миленькой хозяйки и удивительно какъ ловко раскланялся съ ея госпьями.

Семейственная картина была въ родѣ Ляфонпена... Смѣльская сидѣла посрединѣ дивана за чайнымъ столикомъ и по временамъ кормила полугодовалую свою дочку сухариками, размоченными въ тепломъ молокѣ. Госпья занимались своими работами. Крошечный, двухлѣтній сынишка моего друга, полстенькой и веселенькой, пробирался около кресель, безпреспанно падать на мягкіе ковры, закрывавшіе весь полъ, и хохопалъ опть души до птѣхъ поръ, пока няня не поднимала

его... Серебряный самоваръ кипѣлъ, шумѣлъ и иногда очень удачно выигрывалъ свои самоварныя варіаціи... Бѣлый хлѣбъ намазанный масломъ и сухари лежали чинно въ хорошенькой корзиночкѣ. Все было пакъ чисто, пакъ мило, что какой нибудь романистъ прошедшаго столѣтія вѣрно бы разнѣжился и спалъ-бы васъ увѣрялъ: » что хопя и не было пуптъ излишней роскоши; хопя на дорогихъ споллахъ не горѣла выписная бронза и не красовался драгоценный фарфоръ, хопя спѣны не блиспали мраморомъ, а пышные карнизы золопомъ; но за то, всѣ эти сокровища, которыя обольщаютъ полько одну суепность, замѣнялись добродѣтелью, порядкомъ, пищиною, семейственнѣмъ счастьемъ и прочими разными разностями. «

Такъ, или почти пакъ, описалъ-бы

вамъ эпопѣ запѣвникъ домъ и семейство Смѣльскаго; но я-бы солгалъ по-впоривши эпѣ припорныя пошлости. Сверхъ того меня удерживаютъ опѣ подобнаго повпоренія двѣ чрезвычайно важныя причины. Во первыхъ я испорикъ, а не романистъ, слѣдспвенно ложъ и вымыселъ не мое дѣло; во вторыхъ, право, пора и намъ Русскимъ знатъ совѣспь, пора оспавить эпѣ обвѣпшалыя крайности, эпѣ нееспспвенныя пріувеличенія, которыя смѣшатъ всѣхъ честныхъ людей; пора переспать раздавать по Сенькамъ шапки.... И къ чему эти *Прямодушныи*, эти *Простаковы*?... Къ чему эпопѣ цѣлый домъ людей отличныхъ, или на оборотъ, эпѣ безобразная карпина глупоспей и пороковъ, которые гнѣздятся подъ одною кровлею?... Къ чему эпѣ *Собвы*, которыя никогда не

даютъ промаха; копорья влюбляющіяся и разлюбляющія по какимъ-то высшимъ вычисленіямъ?... Какъ позабыть, что зло и добро давнымъ давно перемышаны и что на свѣтъ нѣтъ совершенства?... Мнѣ кажется, что очень не дурно выкинуть эпоху дразгъ изъ головы, только конечно ужъ не на бумагу.

У Смѣльского былъ большой, богатый дѣдовскій домъ. Пріятель мой любилъ и карпины и вещи; покупалъ ихъ — и не раззорялся; жилъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе: любилъ угощать хорошенькимъ обѣдомъ; давалъ въ годъ два именинныхъ бала, съ пѣхъ поръ, какъ женился на своей Лизанькѣ; держалъ двѣ лихихъ чепверни, и все эпо не мѣшало ему быть очень счастливымъ.... И какъ будиго богатый молодой человекъ непременно долженъ

быть новѣсой; непременно долженъ не умѣть наслаждаться настоящимъ?... Конечно, слишкомъ не многимъ даѣтся все; правда и то, что богатство или родовая знапность, очень часто бываетъ посильнымъ вознагражденіемъ какого-нибудь недочѣпа; но вѣдь эпо только очень часто, а не всегда... Все, господа, не безъ исключеній!

Послѣ разспросовъ обыкновенныхъ между военными, о сослуживцахъ, о переводахъ, о зимнихъ кварпирахъ, о наградахъ, о спарыхъ и новыхъ начальникахъ, рѣчь перешла къ положенію Смѣльского.

» Ну, давно-ли ты женатъ? — Да вотъ ужъ чепвертый годъ, брапецъ. — «А когда изволилъ промѣнять свой гвардейскій мундиръ на эпоху спапскій сюртукъ? — Почти топчасъ-же послѣ свапъбы. — «И ты могъ шакъ

скоро облынишься?... Жаль, очень жаль!... ты-бы ушёл далеко!«—Григорій Оедоровичъ вышелъ въ опспавку по моей просьбѣ, « сказала Смѣльская. — Виновапъ!... Но если я задумаю женишься, то еще прежде свавь-бы непременно испрошу у моей будущей суруги позволеніе оспаваться во фронтъ до пес plus ultra. — »А ты развѣ не начиналъ еще задумывавъ?»

Въ эту самую секунду принесли самоваръ и какъ-то случайно глаза мои встрѣтились съ двумя прелестнѣйшими черными глазами, какой-то полненькой, пятнадцати-лѣтней брюнеточки, которой я почти и не замѣтилъ прежде съ поыховъ.... Чудная вещь всѣ эти хорошенькіе глазки!... Я вспыхнулъ и онѣмѣлъ, — но длинныя рѣсницы опустились, и только

изрѣдка сквозь эптъ мягкія, шелковистыя занавѣски, свѣплѣлся волшебный огонѣкъ черныхъ, большихъ очей.

» Чпо-жъ, брапъ, ты замолкъ?... По всему видно, чпо ты начинаешь задумывавъ, « продолжалъ Смѣльскій, повпоря такимъ образомъ для шупки свой прежній вопросъ. — Начинаю, любезный, начинаю! опвѣчалъ я, почти не понимая о чѣмъ идетъ рѣчь. — » Ага, господинъ гусаръ, попались!... « подхватила Смѣльская улыбаясь; »кто же она—блондинка или брюнетка? «— Брюнетка.—»И вѣрно очень мила? «— Чрезвычайно!—»А давно-ли вы познакомились съ нею? « — Вопъ презатруднительный вопросъ! Она мнѣ нравился до пого; она пакъ неожиданно обворожила меня собой, чпо я всякій разъ нахожу въ ней какую нибудь новую прелесть, и всякій разъ думаю,

что вижу её только в первый разъ.
 » Однако-жъ вы всё-таки можете мнѣ сказать, когда именно было первое ваше свиданіе. — Увѣряю васъ, что я и по сію пору не успѣлъ еще опомниться: мои воспоминанія такъ смутны, что мнѣ, право, кажется будто я узналъ ее только сегодня. «

Едва успѣлъ я договорить — и моя брюнепочка, вѣрно ужъ печаянно, уронила ножницы и какъ-то очень долго не могла найти ихъ.

» Не посвѣпите-ли вамъ, Напалья Николаевна? « сказала Смѣльская. — Ахъ, не прудитесь сдѣлайте милость! Я ужъ нашла теперь! « опивчалъ звонскій, пріянный голосокъ.

Когда все пришло въ прежній порядокъ, веселая хозяйка спала продолжаясь.

» Вы извините меня, Петръ Петровичъ, а я опять къ вамъ со своими разспросами; вы такъ дружны съ моимъ мужемъ, что я позволяю себѣ подобную докучливость. « — Помилуйте! какая-же глупъ докучливость? Напроривъ! я чрезвычайно благодаренъ вамъ за ваше участіе. — И такъ, если это не пайна, скажите мнѣ имя вашей брюнепочки. « — Вотъ это для меня совсемъ ужъ не прудно: её зовутъ любимымъ моимъ именемъ — Напальей.

Тутъ опять что-то упало, опять надобно было поднимать и на это-то разъ я былъ подогадливѣе прежняго. Я бросился услуживать, увидѣлъ что-то бѣлое: вѣрно клубочекъ, подумалъ я, схватилъ — это была ея рука... Я спалъ извиняясь въ неловкости; брюнепочка спала извиняясь въ томъ, что заспавила меня безпокоиться;

Смѣльскіе спали смѣялся... вдругъ сильный спукъ у воротъ обрапилъ общее вниманіе... Всѣ замолкли, но у меня, незнаю опть чего, билось сердце и горѣла правая рука... Чудная вещь!...

» Это что значить? « закричалъ Смѣльскій; » и кпо изволилъ придумать запирагься съ девятиаго часа?... Эй!... Кпо-нибудь!... бѣги!... да если это Николай Ивановичъ, такъ просишь сюда!... Послушай! (продолжалъ онъ въ полголоса, обращаясь ко мнѣ), ты увидишь сей-часъ предобраго, прелюбезнѣйшаго спарика: это Смоляновъ.... Онъ навимаетъ у меня сосѣднія комнаты, и мы другъ у друга почили каждый день.... Эта хорошенькая малюпка — его дочь, и если ты хочешь, я тебѣ съ ними познакомлю.«

Вошь мило!... да какъ-же не хоптьшь?... Ты меня очень обяжешь!...

— » Раненько-же вы, Елизавета Павловна начинаете привыкать къ заповорничеству, « сказалъ вошедшій спарикъ, пріятной, веселой наружности, цѣлуя руку хозяйки; » и вѣрно въ эту темнѣдь я-бы попраздновалъ прусу, если-бы не было со мной вошь эпато храбраго защипника. «

Тутъ онъ указалъ на десятипѣпняго карапузика — кадепа, которій, какъ и слѣдовало всякому чеспному малому, не обращая вниманія ни на хозяйку, ни на хозяина, ни на гостей, цѣловалъ свою сестру и очень заботливо перепаскивалъ запасъ конфектъ изъ ея ридикюля въ свой киверъ.

— » Хорошо, хорошо братъ Владиміръ, « продолжалъ спарикъ Смоля-

новъ, » пы и позабылъ Елизавету Павловну.« Тогда только конфекшннй воинъ подошелъ въ свою очередь къ ручкѣ и попомъ шаркнулъ нѣсколько разъ со всѣми препензіями на локоть.

Я очень люблю смотрѣть, какъ раскланиваются дѣщи: они сперва укрѣпяся на одной ножкѣ, попомъ опспавяящъ другую — и пресмѣшно застменяящъ на одномъ мѣспѣ.

— « Однако-жъ я пойду искаю вивовапаго по горячимъ слѣдамъ, « сказалъ Смѣльскій.—Пожалуйста не спрудись, опвѣчалъ я; и пущъ же опиася мое бѣгспво изъ повозки, мой испугъ и невольное движеніе руки, чпобы запереть за собою калитку.... Всѣ смѣялись.... Вслѣдъ за пѣмъ я былъ оппрекомендованъ Смолянову, и ужъ разумѣется, чпо при сей вѣрной

оказіи, мнѣ было очень возможно познакомиться и съ его дочерью.... Мы спали вклѣпыващся въ знакомство лицъ и по справкѣ оказалось, чпо съ годъ пому назадъ, намъ случилось провеспи нѣсколько минушь вмѣспѣ на спанціи по Московскому прапту. Вечеръ, ужинъ и часъ послѣ ужина прочли не примѣпно. Вы конечно догадаетесь, чпо изъ уваженія къ спаричку, я успупалъ ему мѣспо подлѣ хозяйки и самъ, какъ-то безъ всякаго намѣренія, садился рядомъ съ Напашей. Годъ незнакомаго знакомспва — не шутка! Есть о чемъ поразговориться!... Куда вы и вы ѣхали, какъ вы и вы проводили время, надолго ли вы и вы въ Пепербургъ? — Не знаю и не знаю, было опвѣпомъ; но кпо-же, господа, знаетъ будущее?...

» Завпра день рожденія моего каде-

па; онъ хочеть дасть намъ сыпный обѣдъ, и попому покорнѣйше проситъ всѣхъ присуствующихъ пожаловать къ нему въ два часа по полудни, не исключая даже ни меня, ни своей сестры,« сказалъ Смоляновъ прощаясь со всѣми....

Вы сей часъ только слышали до какой степени я уважаю спарость, и попому конечно найдете очень естественнымъ и можетъ быть весьма похвальнымъ, что я взялъ свѣчку и рѣшился проводить милаго, почтеннѣйшаго спаричка до его комнапы по тѣмному корридору....

Какъ умѣнь архипекторъ, спротившій домъ дѣдушки Смѣльскаго: онъ сдѣлалъ въ этомъ тѣмномъ корридорѣ двѣ маленькихъ лѣспницы.... Разумѣется, что шупъ надобно поддер-

живать даму: вѣдь мало-ли что можетъ случиться! Я предложилъ свои услуги Напаль Николаеву,—и опять у меня загорѣлась правая рука и опять сильнѣе забилося сердце.

Какъ мнѣ нравился, что въ пятынадцать лѣтъ она такъ оспорожна!... И что за охопа рисковать?... Она такъ тихо спускается, такъ тихо поднимается!... Вѣрно она знаетъ, что береженаго и Богъ бережеть.

Мы раскланялись и пожелали другъ другу покойной ночи.... Покойной ночи!... Какъ легко пожелать это и какъ трудно иногда этимъ воспользоваться!... Къ тому-же, господа, не чудныя ли вещи всё эти хорошенькіе глаза, эпотъ мягкій, обманчивый клубокъ и эптъ маленькія лѣспницы?...

Проспившись съ хозяевами, я пошѣлъ въ свою комнапу: усталый и

спытый Петрушка дремалъ на спулѣ. Я разбудилъ его, раздѣлся, лёгъ, погасилъ свѣчку, зажмурилъ глаза; но спать ъ лежалъ зажмурившись большая разница!... Я не спалъ!... Повернусь на право — передо мною черные глаза, клубокъ и двѣ лѣспиницы; повернусь на лѣво:—передо мною двѣ лѣспиницы, клубокъ и черные глаза; лягу ничкомъ —опять такъ же испорія; лягу навзничъ —еще хуже: надо мной лепала какая-то знакомая шѣнь; надо мной сіяли и горѣли дивныя очи, какъ волшебные огни; а искры-то вопль такъ и сыпались на меня изъ эпихъ очей, и прямо на сердце, прямо въ душу.... Воля ваша! а все это очень чудныя вещи!...

Однако-жъ я поупру проснулся — и это удивительно какъ хорошо доказываетъ, что я спалъ.

»Петрушка!... бришься!... духовъ!...

помады!... новый виць-мундиръ!... новые эпюлетты!... все новое!... понимаешь? «—Понимаю-сь, Пётръ Пётровичъ!

Мнѣ показалось, что онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ *понимаю-сь*, и я закричалъ на него:

» Врѣшь дуракъ!... ты ничего не понимаешь. «—Я ничего не понимаю, Пётръ Пётровичъ.—» Ну по-то-же!... Бришься! «—Гопово-сь.—» Какой частъ? «—Половина одиннадцатого-сь.... Прикажете подавать кофе?—» Хорошо!... (кофе принесенъ.).... А что, вспалъ Григорій Фёдоровичъ? « — Онъ уѣхалъ къ обѣднѣ въ больницу вмѣстѣ съ барынею и барышней Смоляновой.—» Разбавь-ка о-де-колонъ водою и подай мнѣ въ стаканъ.... Понимаешь? «—Понимаю-сь!... Не прикажете-ли нанять карету?—» Не надобно!... Я сегодня цѣлый день дома «—Понимаю-сь!... Спалобышь

изволише кушать у Григорія Федоровича? —» Нѣтъ! меня просилъ къ себѣ Смоляновъ.«—Понимаю-съ!—»Послушай! не смѣй говорить, что ты что ни-будь понимаешь. Слышишь?« — Понимаю-съ, Пётръ Петровичъ! я не буду понимать-съ!...

Черезъ полпора часа я завтракалъ у Смѣльскихъ. Еще черезъ полпора я спалъ безпреспанно поглядывая на часы; наконецъ мы собрались и пошли.

Такъ какъ домъ Смѣльскаго не переспровивали въ эту ночь, то намъ опять надобно было проходить двѣ маленькихъ лѣспницы... Я подаль руку Елизаветѣ Павловнѣ: она опиралась гораздо крѣпче, нежели вчерашняя моя спутница, и—чудная вещь! у меня нисколько не горѣла правая рука, нисколько не участилось бѣненіе серд-

ца!... Опъ чего-бы это, подумалъ я?... Опвѣта не было, попому что душѣ моей было не до опвѣтовъ....

Мы обѣдали весело... Послѣ кофе Наталья Николаевна съла за арфу, Елизавета Павловна за фортепьяно, а мнѣ дали флейту Смѣльскаго.

Согласенъ, что пріо очень хорошая вещь, но гармоническіе дуэны я предпочипаю всему на свѣтѣ; особливо въ молодости, они воспоргали меня до небесъ. Конечно, и теперь иногда, подѣ веселый часъ, выполнишь съ Натальей Николаевной довольно удачно одну или двѣ шпучки въ недѣлю, только надобно признапья, что ужъ дамѣко не такъ, какъ бывало: прежде какъ-то играешь, играешь, кажется весь уничтожишься опъ упоенія, а смопришь сердце громко повпоряешь усладипельное: *bis*.

Быспро протекли недѣли великаго поста. Послѣ ранней обѣдни въ первый день праздника я пошелъ къ Смоляновымъ съ поздравленіемъ.

— » Пепрѣ Пепровичь!... Не по христіански!... Не по христіански, Пепрѣ Пепровичь!... « говорилъ мнѣ Николай Ивановичъ, когда я хотѣлъ поцѣловатьъ руку Напальи Николаевны.—» Пожалуйста *de caro*, « продолжалъ онъ, » если не хопите посориться! «

Она вспыхнула: она походила на розу; а я съ эпимъ *de caro* съ ногъ до головы былъ наспоящій мѣшокъ.

И не уже-ли вы не поцѣловали? спросятъ меня всѣ муштивы!... И не уже-ли вы осмѣлились? скажутъ мнѣ всѣ свѣтскія дамы.—Поцѣловаль Господа!... Осмѣлился, Милоспивыя Государыни!... Другія времена другіе нра-

вы; и развѣ я виноватъ, что заслужилъ искреннюю дружбу и полную довѣренность?

Говоря опкровенно, я спрадалъ опъ этаго христіанскаго поцѣлуя и черезъ двѣ недѣли, не переставая спрадать, я началъ дѣйствовать.

Прошѣлъ день!... О! это былъ ужасный день!... Я лёгъ послѣ полночи и вспалъ прежде первыхъ пѣтуховъ, но естъ я ложился только для пого, чпобы взмятъ поспель. Наконецъ прошла и ночь, но легче-ли мнѣ опъ этаго?... Мнѣ должно было дожидаться до двенадцати часовъ: воптъ время назначенное для опвѣта.

» Пепрушка!... карепу!... живо!... «— Куда прикажете ѣхать?—» На Выборгскую къ самому послѣдному дому; оптуда къ самому послѣдному дому на Пескахъ; попомъ на Васильевской ос-

провѣ въ самую послѣднюю линію и такъ далѣе.»

Пепрушка посмопрѣлъ на меня выпуча глаза, кажется что пожалъ попишоньку плечами, захлопнулъ дверцы, вскочилъ на запяпки и закричалъ: » На Выборгскую! « — На Выборгскую! повпорилъ кучеръ — и карета понеслась.

На эпопѣ разъ бѣдный Пепрушка понималъ, я думаю только-то, что у него заболитъ голова опъ ужасной, продолжительной тряски.... Наконецъ я воропился.

» Спои!... дверцы!... проворнѣ!... « Тупъ слѣдовали гигантскіе прыжки на лѣспницу.... Я вошелъ въ залу: спѣнные часы звонко и медленно били двенадцать; эпопѣ бой опзывался на душѣ.... » Да или нѣтъ? « сказалъ я входя въ госпинуу Смѣльскихъ, и

вѣрно очень прогашельно, попому что Елизавета Павловна громко засмѣялась. » Ради Бога скажите мнѣ: да или нѣтъ? « — Нѣтъ, Милостивый Государь, нѣтъ! извольте прежде садиться. — » Не мучьте, пощадите меня! выговорите только одно слово: да или нѣтъ? — Что съ вами дѣлать? Вѣрно ужъ приходиться сказать; радуйтесь-же: да! «

Едва она произнесла это роковое да, и я уже упалъ къ ея ногамъ; рядомъ со мною лежали опрокинутыя кресла съ лопнувшей спинкой; не много подалѣе — богатый экранъ разбитый въ дребезги.... Елизавета Павловна помирала со смѣха, а я... я былъ въ такомъ положеніи, объ копоромъ и по сію пору не могу опдать себѣ ни какого опчета. Помню только, что черезъ минупу я увлекъ Смѣльскихъ къ Смоляновымъ; черезъ двѣ я обни-

маль и Наталью Павловну и добраго спарика, ея опца; черезъ три дни насъ обручили; черезъ двѣ недѣли я возвратился изъ церкви съ молодою женою; опобѣдалъ; опужиналъ, и запирая дверь своей спальни, пикхонько сказалъ Пепрушкѣ: »быль оспорожнымъ!« и добрый Пепрушка, опъ избыпка сердечной радости, прокричалъ во все горло своё любимое: »*пони-маю-съ!*«

Не бойся ничего моя милая....
Небо покрыто облаками.... Я не
увиджу румянца спыдливости....
Мы подождёмъ ночи....

ДЕМУТЬЕ.

ГЛАВА III.

Ч И Н Ъ.

Тамъ, добрый Маркизь,
вѣрно ерисованный, пер-
вый засыпается надъ са-
михъ собою.

Ж. В. Руссо.

Я уснулъ упомлеенный; впрочемъ,
какъ и не упомялся челоуьку озабо-
ченному свасьбой.... Но каково - же

было мое пробужденіе?... Меня ласкало какое-то обворожительное, роскошное прикосновеніе чего-то сладостнаго, нѣжнаго, чего-то неизъяснимо прелестнаго.... Я открылъ глаза.... Ея уста касались моей щеки; ея глаза горѣли надъ моими огнемъ любви и желанія.... Мнѣ поспѣхъ пришла мысль, что будучи женихомъ, я общался ей исполняя все, что только она захочетъ. Давши слово—держись!... О! на эпопѣ счѣпъ и въ то время, и послѣ, я былъ всегда самымъ честнымъ человѣкомъ... Черезъ нѣсколько мгновеній... я... я пошѣлъ одѣваться....

»Вы очень блѣдны, Пепръ Пепровичъ!«—Вы очень глупы, Пепръ Ивановичъ!... Такъ размѣнялся я привѣтствіями съ моимъ Пепрушкой.

Я нарочно не спѣшилъ шуалетомъ и только черезъ полтора часа отпра-

вился нъ бодуаръ моей Напашы... Какъ ей къ лицу эпопѣ щегольской визитный капотъ! эпа пышная уборка головы!... Но эпо для свѣта, для полны!... А для меня? — Для меня эпопѣ вспыхнувшій румянецъ, эпопѣ жгущій взглядъ, эпа чудная полуулыбка, копорая такъ много значить, эпо нѣжное пожатіе руки, и эпи....

Одинадцать часовъ вечера, показывали бронзовые споловые часы: я позабылъ ихъ завести вчера, и что-жъ мудренаго?... Меня самого такъ далеко завела любовь!

Но, Господа! ужъ рассказывать-ли вамъ полно всѣ эпѣ мѣлочныя подробности, копорыя такъ пріятны для меня, и копорыя вовсе не занимательны для васъ?... Къ тому-же я вамъ долженъ сказать, что вся эпо-

рая глава моего истиннаго произшествія, или если вамъ угодно, моихъ истинныхъ произшествій, еспь полько эпизодъ, а не начало испоріи. Она помѣщена мною съ пою цѣлюю, чпобы показати вамъ, какъ я близокъ къ Смоляновымъ. Маленькій кадепъ, копорого видѣли вы въ пѣни, на послѣднемъ планѣ, въ семейственной картинѣ у Смѣльскихъ—еспъ герой моей книги.... Такимъ образомъ знавши наши отношенія, вы можете ручаться за истину моего разсказа и закладывати въ споръ любую пустую голову: въ закладахъ недоспапка не будетъ.

Я провелъ Напашу въ гостиную Смѣльскихъ: мы знали, чпо шамъ сидитъ и нашъ спаричокъ.... Къ чѣму-жъ во мнѣ эпопъ гордый видъ; къ чѣму эпа самонадѣянность при входѣ

къ нимъ?... Таковъ всегда человекъ!... Такова наша слабость!... Богачъ не берѣтъ взяпокъ — и безпреспанно пвердитъ о своей безкорыспности; недалекій бѣднякъ рано приходитъ къ должности, поздно возвращается домой — и жалуется на скудость награды; нашъ брапъ, писатель по цѣху, напишетъ какую нибудь неблнцу въ лицахъ, раздѣлитъ её на чептыре части, (какъ напрымѣръ я многогрѣшный), назоветъ её романомъ (поже какъ я), да еще какимъ романомъ? — историческимъ! прошу покорно! — и полько въ силу эпаго названія пребуенъ себя диплома на безмертіе!... Журналистъ во время издаетъ свой поцій журналъ — и безжалоспно грызѣтъ своихъ поварищей за ихъ несправность: ему нѣтъ никакого дѣла до побочныхъ обстоятельствовъ.... Мо-

лодая жена прожужжала уши своимъ знакомкамъ говоря о вѣрности.... И развѣ все, что имъ удалось сдѣлать хорошо, не есть ихъ долгъ?... И развѣ я.... Къ чему-же во мнѣ эпопѣ гордый видъ? къ чему эпа самонадѣянность? къ чему я пакъ значитель-но пожалъ руку Смѣльского?... О жалкая смѣсь Бардуса съ Ньюпомомъ!... Но какъ много взяпо опъ Бардуса и какъ мало опъ Ньюпона!...

Прошѣлъ, промчался, медовый, сахарный, серебряный, золотой, однимъ словомъ, какой вамъ угодно, первый мѣсяць послѣ свадьбы. За нимъ прошли еще и еще мѣсяцы, прошѣлъ годъ, два, два съ половиною, прошло пять лѣтъ, прошло десятиѣ. Я командовалъ бригадою; по спарому любилъ свою двадцати-шести-лѣтнюю Напашу; боролся, игралъ въ жмурки и возился

со своими чепырьмя ребятишками, которые всякій день послѣ обѣда, когда я ложился опдыхать, называли своего папшюку какой-нибудь горой и преспокойно переправлялись черезъ меня вмѣстѣ съ игрушками.

Спарикъ Смоляновъ давнымъ давно служилъ въ Сибири, и изъ всего обшца нашего семейства оспавался въ Петербургъ только одинъ Владиміръ Николаевичъ, которому наступилъ тогда двадцатый годъ. По чрезвычайной слабости здоровья, его выпустили изъ корпуса къ спапскимъ дѣламъ. Время эпаго выпуска есть начало нашего повѣспвоанія.

Кто не бывалъ кадепомъ, попъ никакъ не можетъ обнять, не можетъ поспигнуть вполне обширной, обольстительной идеи: *я выпускной!*... Для того слова: *басистый голосъ,*

большие каблукки, отпущенные виски и прорезные кармашки, будущь словами ничего незначащими; но у какого спараго, бываго кадепа, не дрогнешь сердце при звукѣ эпихъ волшебныхъ словъ? ... А чего споншь мысль, великодушная, гигантская мысль: я скоро *Прапорицкъ*? ... *Прапорицкъ!!!* вѣдь это только легко выговорить! ... А смью спросить, кто выдеретъ мнѣ уши? кто оставитъ меня безъ пирога или поставитъ къ столбу? кто осмѣлился не пустить меня со двора? кто, дерзкій, не позволилъ мнѣ носить шелковаго галстука? ... Для васъ, Господа, это мелочность, но поговорите-ка съ любимъ изъ моихъ поварихъ и вы увидите, что онъ скажетъ.

» Я выпускной! « говоритъ каждый счастливецъ, и каждый шепетъ, кле-

нить, покупаетъ альбомъ. За какое множество головъ работали въ разные времена: Карамзинъ, Жуковский, Пушкинъ! ... А сколько преисполненной своедельщины! ... Надобно, непременно надобно написать что нибудь на память своимъ поварихамъ; впрочемъ нуть главная сила не въ спичкахъ и не въ прозѣ... подпись! ... подпись! ... вопль важная вещь! ... Какъ иному бывало усладительно расчеркнуться: *Такой-то Артиллерійской бригады Прапорицкъ такой-то!* ... А какъ громко, какъ звучно можно произнести это въ коронкѣ и сильный периодъ: *Бугскаго Уланскаго полка Корнетъ N. N!* ... Къ несчастію, мы должны сказать, что участь нашего героя не была блистательна до такой высокой степени. Смѣшно-же, въ альбомъ, подъ спичками своего сочине-

ніа подмахнуть сухое, приказное выражение: *Чиновникъ 12-го класса...* Онъ подписывался проспо: *Владимиръ Смоляновъ*; но онъ былъ Поэптъ, и хопя ни въ Генеральномъ Регламентѣ, ни въ пабелн о рангахъ, не означено сравнительнаго достоинства сего великаго званія; но кто въ девятнадцать лѣтъ не спроитъ воздушныхъ замковъ? не цѣнитъ себя высоко? не передаетъ своего имени позднему попомспву?

Наступило Рождество и молодой Смоляновъ оспавилъ корпусъ; но какъ онъ вступилъ на поприще свѣта?... Безъ покровителей, почти безъ знакомства и что всего-по хуже — вовсе безъ денегъ.... Я полагаю, что положеніе упоающаго, которьй не имѣетъ никакой надежды на спасеніе, должно быть очень непріятно; но окружите эпаго бѣдняка людьми, у ко-

порыхъ еспъ всѣ средства, чтобъ помочь ему, и которьые однакожъ оспаются праздными зрителиями его погнбелн; попомъ поставьте себя на мѣстѣ несчастнаго.... Не знаю, чтобы сдѣлалъ иной, а я-бы, мнѣ кажется, прснулъ съ досады.

Больно горевалъ мой безденежный Чиновникъ 12-го класса, и горевалъ еще болѣе отъ сознанія, что онъ самъ во всемъ виноватъ. Чтобы ему написать пораньше къ опцу въ Сибирь, или ко мнѣ во вפורую армію — и дѣло было бы въ шляпѣ, а то онъ все опкладывалъ да и оспался ни съ чѣмъ. Между тѣмъ денежное пособіе, данное отъ Корпуса, пекло какъ вода изъ рѣшета; еще нѣскольго дней — и онъ не могъ-бы удовлетворять давнишней, прекрасной своей привычки: кушать и пить ежедневно.

Я вспомнил теперь, что какой-то древний записчик (попому что есть и новые записчики) сказал очень замисловато и какъ слѣдуетъ, съ должною важностію, что самая лучшая привычка, не имѣть никакой привычки.... Бьюсь объ закладъ и держу безконечное число пропивъ ноля, что онъ вѣрно не подводилъ подъ эту мудрую сентенцію весьма похвальной привычки: хорошо ѣсть и записывать чѣмъ нибудь вкуснымъ. Впрочемъ, здѣсь рѣчь не о записчикахъ, а объ томъ, что моему герою предстояла вовсе несныная жизнь, и если это нисколько не важно для первыхъ одиннадцати классовъ, то для него, бывшаго погда въ двѣнадцатомъ, подобная спать казалась слишкомъ чувствительною и прогательною....

Наше воображеніе не знаетъ мѣры

ни въ чемъ и мы представляемъ себя будущность или завлекапелною, какъ миленькая дѣвушка въ шестнадцать лѣтъ, какъ что-нибудь чужое для грѣховодника, какъ лисицъ виноградъ, какъ взяпка для Совѣснаго судьи,.... или спрашию, какъ ребенку — розги, какъ проказницѣ-свяпошѣ — печальный приѣздъ мужа, какъ мнѣ — ваше расположение, мои любезные чипапелли.

Точно по-же было и съ Вольдемаромъ....

Не смотря на свое просподушіе и на искусство обманывать самого себя, онъ не смѣлъ въ по время раскрашивать свою даль яркими и блестящими красками; онъ только грустилъ и восклицалъ опть бездѣлья: »Ахъ какая досада!... Ахъ какъ я глупъ!... Что ты будешь дѣлать? «

Но въ этой главѣ я еще не знаю и самъ, что онъ будетъ дѣлать въ слѣдующей. Тамъ мы увидимъ, поправиль-ли судьба его первую ошибку.... Жаль одного, что....

Глупость прошедшая, весьма рѣдко предостерегаетъ человека отъ глупости настоящей.

Гельвецкій.

ГЛАВА IV.

ЧЕЛОВЕКЪ ВЪ ГОРХОВОЙ ПИНЕЛКѢ.

Я люблю хвалить: я нахожу въ эпозѣ какое-то наслажденіе.

Шабановъ.

Однажды.... Не правда-ли, Господа, что это слово чрезвычайно заинтересовало васъ?... Верно начнулся про-

изшествія, подумаєте вы, и—сдва-ли
обманепись... И такъ однажды шелъ
мой Владиміръ Николаевичъ по Нев-
скому проспекту—и эпто просто бы-
ло однимъ неоспоримымъ доказатель-
ствомъ, что у него не оставалось ни
гроша денегъ, потому что онъ былъ
большой неохотникъ ходить и при
первой возможности всегда нанималъ
извозчика; впрочемъ у него и теперь
почти та-же привычка... Вотъ онъ
шелъ, шелъ, смотря какъ Факиръ на
конецъ своего носа, вдругъ...

Виноватъ!... мое сравненіе очень не-
удачно: у сказаннаго Факира былъ,
какъ мнѣ помнится, красный, сухой
и длинный носъ, а у Владиміра Нико-
лаевича носъ коропкій, полспый и
круглый... Желающіе могутъ видѣть
его порпредить — Московскоѣ Губерніи,
пакого-то уѣзда, въ селѣ, копорого

названіе верпипся на языкѣ и поль-
ко что верпипся.

Вдругъ человекъ въ гороховой ши-
нели, съ двѣнадцатью всячими вороп-
никами, оспановился передъ нимъ и
сказалъ: »Позвольте васъ спросить, вы
не Владиміръ-ли Николаевичъ Смо-
ляновъ?« — Точно такъ! — »Давно-ли
вы вышли изъ корпуса?«—Около прехъ
мѣсяцовъ.

»Гдѣ, какъ и чѣмъ вы живете?«—
было послѣдующими вопросами... Воль-
демаръ разсказалъ о своемъ запрудни-
тельномъ положеніи.

»Да знаете-ли что?... Переѣзжайте-
ка въ мой домишка!« продолжалъ
не много подумавши человекъ въ го-
роховой шинели съ двѣнадцатью ви-
сячими воропниками. »Я хорошій при-
япель вашего спаршаго брата, и очень

коротко знакомъ съ вашимъ бабюшкой... Правда! у меня нѣсколько пѣсенокъ, за то вы не будете одни, и вмѣстѣ скорѣе придумаемъ что намъ дѣлать... Согласны-ли вы? — Съ большимъ удовольствіемъ, если... —

» Ну, если съ большимъ удовольствіемъ, такъ займёмся же перевозкою. — Вамъ оспаётся только перевозка одного меня, потому что я весь шупъ, какъ вы видите, со всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ. —

» Тѣмъ лучше! менѣ хлопотъ!... А ваша квартира? — Я тамъ ничего не долженъ: сегодня послѣдній день, за который я заплатилъ впередъ. — Оно и кспати: спало бытъ дѣло въ шляпѣ... Извощикъ! — Куда прикажете? —

» Къ Таврическому саду. — Пятиалыинный. — Гривенникъ. — Дешево, сударь. —

» Гривенникъ. — Садитесь баринъ!...

Вмѣсто одного, съли два барина и поѣхали.

» Къ воропамъ на право!... спой!... «

Взошли. Новичокъ опрекоменованъ хозяйкѣ дома; его обласкали, какъ роднаго. Онъ говорилъ мнѣ въ послѣдствіи объ эпомъ миломъ и почтеннѣйшемъ семействѣ, спало бытъ я очень вѣрно могу рассказать вамъ нѣкопорья подробности, и сдѣлаю это пѣмъ охотнѣе, что такіе люди, какъ человекъ въ гороховой шинели съ двѣнадцатью висячими воропниками, непременно должны бытъ на виду.

Никипа Петровичъ Хворостовъ служилъ по одному изъ Министерствъ; жилъ однимъ жалованьемъ; нанималъ маленькую квартиру; имѣлъ милую, добрую и умную жену, и крошечнаго сынишка Федю, такого милашку... Но

я не знаю вашего вкуса и попому предоспаваю самимъ докончить сравненіе.... Миѣ сказывали, что Никипа Пепровичъ, возвращаясь въ при часа пополудни опть должности, обыкновенно говаривалъ своему Оедѣ всегдашнее свое шупливое привѣтствіе: »Здгаспуйте Оедой Никипичъ!« и Оедой Никипичъ обыкновенно бѣжалъ къ своему папѣ, обвивался около него своими пухленькими рученками и цѣловалъ во что попало: въ губы, въ носъ, въ галспухъ или въ колючій подбородокъ; что попомъ Никипа Пепровичъ подходилъ къ своей женѣ, цѣловалъ её.... (Послушайте Напалья Николаевна, поцѣлуйте меня!)... цѣловалъ её, бралъ у нее руку и вмѣсто того, что бы прикладывать ее къ губамъ, онъ шупя прикладывалъ ее къ фраку, къ жилету, ко лбу, къ уху: тогда ему

драли уши, и все кончалось самымъ аппетитнымъ объѣмемъ. (Ахъ, Боже мой!... Напалья Николаевна!... Да поцѣлуйте меня еще разъ, но по крѣпче, сдѣлайте милость покрѣпче!) Спрашная вещь, Милоспивья Государьши! я никакъ не могу говорипъ о поцѣлуяхъ, что бы не поцѣловать въ по-же время кого нибудь по интересіе.

Далѣе... я могъ-бы и самъ продолжать свое повѣспивованіе, но миѣ попался на глаза спарый дневникъ Владиміра Николаевича. Въ эптомъ дневникѣ, какъ вы и сами увидите въ послѣдствіи, перебрано все до послѣдней нипки, и попому я рѣшился выписывать изъ него кое-какіе опривки съ дипломатическою почностию.

Тутъ двойная выгода: чипая собственныя записки молодого Смолянова,

вы будете все больше и больше узнавать его, а я, занявшись перепискою чужаго, все буду меньше и меньше упруждавъ свою голову—а эпоэ вовсе не шутка для челоуька, котораго мать природа позабыла надѣлишь прилежаніемъ къ письменности....

Можесть бытъ милья мои чипапельницы, и особенно почтеннѣйше мои чипапели, найдуть нѣкоторое сходство въ слогу Владиміра Николаевича съ моимъ; можесть бытъ, они спануть подозрѣвать, что шутъ еспь или подлогъ или вымысль; но пуспъ мой Сулпанъ вышибетъ меня изъ сѣдла, если подозрѣнія ихъ дѣйствитель-но справедливы. Эпоэ сходство произошло опъ того, что я самъ нарочно принаровливаюсь какъ можно болѣе къ слогу моего героя, чтобы переходы не были слишкомъ рѣзкими. Къ

тому-же, да позволимся мнѣ доложитъ всѣмъ и каждому, что я пишу обыкновенно въ высокомъ родѣ, и — если сказать правду, пишу чрезвычайно удачно.

Очень можесть спаться, что вы изволили чипать что нибудь изъ моихъ твореній: не правда-ли—прелестъ! А мои Оды!... О! эпоэ испинно великія произведенія!... Въ самой маленькой спо придцать семь спрофъ. Особенно спленъ я въ спихахъ *на сулган*, на примѣрь: на взятіе или на отдачу чего нибудь, на побѣду или на поражение, на переходъ или на перездъ черезъ что-нибудь и такъ да-ле. Но мой *chef-d'oeuvre*—это спихопворные возгласы на новыи годъ:

»Гряди — и возвеличь *того-то!*«

И новыи годъ грядетъ непременно,

жаль только, что онъ возвеличиваетъ чрезвычайно рѣдко по моему назначенію.

Что-же касается до существованія дневника, то въ этомъ вы можете быть рѣшительно увѣрены... Не выдумывайте-же мнѣ спать?... И такъ я начну выписывать, потомъ рассказывать самъ, потомъ опять выписывать, а между тѣмъ испорія спанетъ подвигаться впередъ, да впередъ; завязка сойдетъ и разойдетъ, произшествія выйдутъ и наконецъ вы будете имѣть липературный завтракъ.

Для имѣюте также свою зрѣлость, какъ и плодъ.

Клементій XIV.

ГЛАВА V.

ВѢРНЫЕ РАСЧЕТЫ

Ты прислалъ мнѣ скверную лошадь и пять хорошихъ ословъ: я не сяду на лошадь, потому что она скверная, и на ословъ, потому что они ослы.

Григорій Великій.

18. года; — « мѣсяца; » — « числа.

» Какъ добръ, какъ благороденъ, какъ привѣпливъ почтенный Никипа Петровичъ. Супруга его, Елизавета

Алексѣевна—милая, обязапельная дама. Я у нихъ со вчерашняго дня и пробуду.... но какъ знашь, до которыхъ поръ я пробуду?... Содня на день я ожидаю письма опть бапюшки со вложеніемъ—а письма нѣтъ, какъ нѣтъ!... Я просилъ у него полпоры тысячи рублей; но если его обспояпельспва разспроены?... Въ такомъ случаѣ.... въ такомъ случаѣ я буду довольспвоваться малымъ.... сдѣлаю себѣ одну чіспенькую, но скромную, очень скромною пару плапья.... Добрый Никипа Пепровичъ спспарается ввеспн меня въ службу по Минисперспиву; такимъ образомъ упробудетъ посвящено должностнымъ занятіямъ; обѣдашь буду или шупъ, гдѣ живу шеперь, или у Эльминыхъ, или у Генеральши Блаповой.... Они всѣ такъ ласкаютъ меня.... Время опть обѣда до чаю займешся чпеніемъ;

вечерь — для липературы.... Какая обольспительная будущность! какое спихое, безвѣспное, но прочное счастье!... Душевное спокойствіе; чіспая совѣспь; одинъ или два испинныхъ друга, одинаковыхъ со мною лѣтъ, одинаковыхъ склонностей; мы спанемъ посвяцапъ свой досугъ чпенію, прогулкамъ; у насъ все общее.... Быспро, невидимо будетъ пролепапъ наша жизнь: прудъ, одинъ прудъ спспавитъ всѣ наши желанія; а огорченія?... Нѣтъ! я не предвижу никакихъ.... И кпо захочетъ дѣлапъ непріятности человѣку, который всѣми силами будетъ сппараться заслужипъ общую любовь? О!... я швердо увѣренъ, что нѣтъ ничего легче, какъ бытъ счастливымъ!...

Вчерашній вечеръ, проведенный въ разговорахъ съ Никипой Пепровичемъ
Одна и двѣ. Ч. I.

и съ Лейпенанпомъ Порѣчнымъ, его пріятелемъ, показался мнѣ не болѣе получаса: сполько шутокъ, сполько оспрошь, сполько смѣха!... Въ началѣ двѣнадцатаго мы опужинали... Я легъ счастливымъ и счастливымъ проснулся сегодня... Меня безпокоить полько моя болѣзнь и чрезвычайная слабость; но, благодаря молодости, свободѣ и хорошей чапурѣ, я уже далеко не то, что былъ при выходѣ изъ корпуса; вѣроятно, что весна воспановитъ меня совершенно.... Дай Богъ!...

На другой день.

Вчера, часа за два до ужина, мы съ Никишой Петровичемъ спали бесѣдовавъ о разныхъ разностяхъ.... Я сказалъ ему, что завелъ дневникъ. » И

это очень хорошо!« отвѣчалъ онъ. » Повѣрьте моей опытности, что такая мелочная, бесполезная по видимому вещь, ведетъ ко многому. Записывайте все и записывайте непременно каждый день. Полчаса, много часть времени — не большая прапа; набрасывайте кое-какъ ваши мысли; дѣлайте замѣчанія и на себя и на другихъ; но главное, не обманывайте самихъ себя и высказывайте ваши поспупки, ваши чувства, ваши слова, въ насоящемъ свѣтѣ: черезъ годъ вы увидите въ себѣ большую перемену.... Я уже и не говорю вамъ о пользѣ выводовъ и общихъ ипоговъ: она чрезвычайна.... Конечно полпа не постигаетъ ее; но зачѣмъ позволять себѣ увлекаться вслѣдъ за общимъ, бездоказательнымъ мнѣніемъ? «

Мнѣ кажется, что я его понять

довольно хорошо и пѣмъ охопнѣе согласился съ нимъ, что мы сошлись какъ-то во многомъ. Опъ дневника рѣчь перешла къ Франклину и къ его теоріи нравственнаго исправленія.

Никипа Петровичъ показалъ мнѣ такъ ясно пользу, которую можетъ она принести, что я рѣшился строга подчинить себя ея правиламъ. Для меня теперь даже чрезвычайно удивительно, почему и всѣ люди безъ исключенія не слѣдуютъ за такою мудрою руководительницею, пѣмъ болѣе, что это такъ легко: сповить только ненавидѣть зло, но если не дѣлать ничего худаго; но развѣ путь можетъ встрѣпиться какое нибудь затрудненіе?... Не понимаю!... Мы свободны — и выборъ слишкомъ не пруденъ. Впрочемъ пускай себѣ другіе дѣ-

лаютъ что они хопятъ, покрайней мѣрѣ я, съ нынѣшняго-же числа, поспавлю себѣ священнымъ закономъ не дѣлать зла, потому что оно зло, и удаляться отъ порочныхъ какъ можно далѣе, потому что они не достойны человека честнаго.

Воображаю, какъ будетъ мнѣ сладостно самое исполненіе добра, когда теперь одно мое твердое намѣреніе дѣлаетъ меня и довольнымъ и веселымъ.

За ужиномъ говорилъ я о своихъ мечпаніяхъ, относително будущаго своего жипня, о счастьи которе меня ожидаетъ и потому подобное. Никипа Петровичъ слушалъ меня со вниманіемъ; но я безпреспанно замѣчалъ, что онъ улыбается, особенно, если я говорилъ съ бѣльшимъ жаромъ — и это

мнѣ показалось довольно спраннымъ....
 Что-же тутъ смѣшнаго?... Все такъ
 проспо, такъ естественнo!... При
 случаѣ разспрошу его объ эпомѣ....

Половина перваго. Сонъ начинаеть
 клонить меня.... Я-же сегодня много
 ходилъ — и пакъ — довольно!...

Черезъ нѣсколько дней.

Какъ оживляеть человѣка радост-
 ная весна: веселье вспаешь видя крас-
 ный день; сонъ и аппетитъ несра-
 венно лучше; прогулки и свѣжестъ
 воздуха (я говорю про нашъ конецъ)
 чрезвычайно полезны.

Я провожу свое время пакъ хоро-
 шо, пакъ хорошо, какъ нельзя бо-
 лѣе.... Одно только наводитъ иногда
 на меня большую поску: мнѣ спрахъ

какъ хочется навѣспить своихъ одно-
 кашныхъ поварищѣй — и не въ чемъ
 показаться къ нимъ. Сюрпучекъ, ко-
 порый сшилъ я себѣ по выходѣ изъ
 корпуса, почти износился, попому что
 не сходить съ плечь и придпи въ
 немъ мнѣ какъ-то совѣспно; а писемъ
 опъ бапюшки все нѣтъ да нѣтъ....
 Ужъ не случилось-ли съ нимъ чего
 нибудь.... Бѣда! что будетъ погда съ
 моей маленькой сесипреночкой?

Но къ чему я огорчаю себя грусп-
 ными предположеніями.... Не самъ-ли
 я написалъ очень поздно къ бапюш-
 къ?... Онъ живеть пакъ далѣко.... мо-
 жеть быть онъ занятъ чѣмъ-ни-
 будь особенно важнымъ.... можетъ
 быть онъ давно уже и послалъ ко мнѣ
 деньги.... можетъ быть я получу ихъ
 на дняхъ; погда поскорѣ обзаведусь

всѣмъ необходимымъ, полечу къ поварщикамъ — и... Боже мой!... какъ много радостнаго предсвоишь мнѣ!...

Надежда есть сонъ чловѣка
бдящаго.

Аристотель.

ГЛАВА VI.

ПИСЬМО.

Имѣю счастье быть, Вашего
Королевскаго Величества, весьма покорный, весьма послушный и весьма избиный слуга.

Маринья.

» То плачешь чловѣкъ, то въ радости смѣется!... « сказалъ безсмертный Архангельскій рыбакъ. Мнѣ поже

удавалось видѣть эпо и за собою и за другими. Впрочемъ и нельзя-же иначе. Нашъ вѣкъ не то, что спарина. Попробуйка все Гераклитспивовать надъ суепою суепъ эпого юдолянаго, печальнаго міра — и конечно не минуетъ желпаго дома; а бытъ Демокрипомъ— куда какъ не ловко: обрѣжутъ носъ, обрѣжутъ уши; укоротятъ языкъ и *при сей вѣрной оказіи* препроводятъ шуда, гдѣ еще не ходили пеляпа со своимъ достопочпеннымъ Макаромъ. Надобно вамъ сказать по секрету, что эпо *мѣстоположеніе* очень и очень далеко, чуть-ли напримѣръ не впрое далье, нежели опъ нашей главной квартиры до Лиссабона, только кажется совершенно въ пропивную спопону.

Часто и долго груспилъ мой молодой Смоляновъ, вспоминая о своемъ

безденежья. Между тѣмъ быспро проходили ночи, (я-бы легко могъ сказать: между тѣмъ быспро проходили дни, но эпо слишкомъ обыкновенно), и бѣдняжкѣ все не было легче.

Наступила пятница пятой недѣли великаго поспа. Вооружась Садами Делия, Поэпъ сѣлъ подлѣ распвореннаго окна и спарался занять свои мысли роскошными описаніями роскошной природы. Деревья пышнаго Таврическаго сада, едва распуспившись, шихонько шелеспили маленькими своими листиками; воздухъ былъ ароматенъ на чудо; однимъ словомъ, эпо было упрое прелеспное, романическое, упрое какихъ мало.... Я не могу сказать утвердивельно, почно-ли пѣли въ эпо время какія нибудь воздушныя пѣвицы, но вѣрно ужъ пѣли: эпѣ спа-

рья пѣсни молоденькихъ спичекъ также необходимы въ подобныхъ описаніяхъ, какъ соль ко щамъ: безъ нихъ невозможно соспавить обворожительнаго цѣлаго.

Вдругъ пропивъ самага окна раздался конскій попопъ: Вольдемаръ взглянулъ и увидѣлъ, что вершній почпальонъ осаживаетъ свою лошадь и вглядывается въ надпись надъ воротами. » Кого шебъ надобно, любезный?... « закричалъ онъ бросивши подъ споль Делия съ его Садами. » Кого шебъ надобно? « повпорилъ онъ еще громче, высовываясь изъ окна: въ эпо мгновение центръ пляжеспи перешель за почку упора — и молодой Поэпъ упалъ какъ снопъ въ грязную канавку; но не перья присущспвія духа, провозгласилъ опшуда еще разъ: » Кого шебъ надобно, любезный?... не Смоля-

нова-ли? « — Да, ваше почпение, мнѣ нужно Владимира Николаевича Смолянова. — » Ну, братецъ, я и Смоляновъ, и Владимиръ Николаевичъ... Вотъ шебъ мой послѣдній двугривенный: полько развязывай сумку и говори поскорѣе на сколько повѣспка? « — Покорно благодарю-сь, Ваше Благородіе; но къ вамъ, сударь, нѣптъ никакой повѣспки: я привезъ одинъ простпой пакептъ. — » Какъ!... безъ всякаго вложенія? « — Никакъ нѣптъ-сь, Ваше Благородіе, шамъ подя еспъ и письмо. «

Пакептъ! простпой пакептъ! со вложеніемъ простаго письма! куда какъ весело! И въ какое время?... Когда деньги нужны, какъ говорипся, до зарѣзу! Тупъ полько почувспивоваль Вольдемаръ, что у него препорядочно боляптъ и голова, и правая нога; шуптъ полько увидѣлъ онъ, что нѣсколько

большихъ и маленькихъ зѣвакъ оспанивились подлѣ и пѣшились надъ грязною его физиономіею. Печально взявъ письмо и, повѣся голову, оправился прямо на кухню. Въ первыхъ попыткахъ, при первомъ взглядѣ на него, веселая кухарка покапилась со смѣха; но когда эта добрая женщина увидѣла, что у бѣдняка невольно выступаютъ крупныя слезы и, смѣшиваясь съ грязью, капаютъ попихоньку на изношенный сюртучекъ; когда она замѣтила его блѣдность, его грусть: тогда она такъ заботливо спала суетишься около него, такъ охотно чистила и вытирала его плащъ, такъ проворно сбѣгала въ комнату за хорошимъ мыломъ, что черезъ десять минутъ все было приведено въ порядокъ.

Пришедши въ свою маленькую ко-

мнату, Вольдемаръ положилъ на столъ нераспечатанное письмо, бросился на постель, закрылъ подушкою лицо, спалъ плакавъ, плакавъ; потомъ спалъ мечтая и думая обо всемъ вдругъ; потомъ—вдохнулъ; потомъ—уснулъ....

» Что, много-ли вы прочитали сегодня? « сказалъ Никипа Петровичъ разбудивъ Поэта.

— » Много-ли я прочёлъ?... Я не читалъ ничего совершенно. « — И прекрасно! это самое лучшее средство не обременять памяти. Но опять кого вы получили письмо? — » Опять бабочки. « — Что-жъ онъ пишетъ? — » Я вамъ говорю, что я рѣшительно ничего не читалъ... Признаюсь, мнѣ какъ-то спрашно распечатать это: пакетъ; бабочка знаетъ, что мнѣ нужны

деньги, что я нахожусь въ крайности; онъ имѣетъ всю возможность посо- бить мнѣ — и прислалъ только одно просное письмо.... Увѣренный въ люб- ви бабюшки, въ его добротѣ, я ни- какъ не могу предполагать, чтообъ путь не было чего-нибудь особенна- го, необыкновеннаго, чего-нибудь пе- чальнаго. «—Ну, вы предполагайте се- бѣ что хопните, а я прочту за васъ это письмо, попому что наконецъ на- добно-же знать о чемъ пишушь къ вамъ.

Никипа Петровичъ распечаталъ па- кетъ и прочелъ сперва про себя, по- томъ вслухъ:

Милый мой сынъ,

» Я не отвѣчалъ на твое письмо такъ долго, попому что былъ очень

занятъ ревизією одного изъ дальнихъ уѣздовъ, и кучею другихъ довольно важныхъ дѣлъ; къ тому-же ты и самъ пишешь, что раньше Апрѣля, или даже Мая, не думаешь оспавишь корпуса. «

» Хотя мнѣ и жалко, что ты не пойдешь по слѣдамъ спаршихъ твоихъ братьевъ, т. е. не вступишь въ военную службу; но за то я очень по- радовался, когда узналъ изъ твоего письма, что тебѣ дадутъ вмѣсто пер- ваго, прямо впорой офицерскій чинъ. Это доказываетъ, что ты спарал- ся и успѣлъ заслужить справедливое предпочтеніе передъ другими. «

» Ты просишь у меня полпоры ты- сячи рублей.... Просьба очень умѣрен- ная, судя попому, что тебѣ должно прилично одѣться и обзавестись раз-

ною мелочью, если только ты вздумаешь служить в Пепербургъ; но признаюсь, мой милый сынъ, я-бы очень желалъ, чпобы ты началъ службу свою подъ моимъ надзоромъ. Кпо лучше опца озабопипся о пвоихъ пользахъ?... Впрочемъ напередъ говорю, не жди опть меня никакой попки, и помни спаринную пословицу: служба службой, а дружба — дружкой. По всѣмъ дѣламъ казеннымъ ты для меня чуждъ: погда я проспо пвой Начальникъ; дѣло другое въ домашнемъ быпу — памъ я пвой опецъ и другъ.»

» Очень вѣрю, чпо ты никакъ не ожидалъ пакого незаманчиваго предложенія служить у меня; но пакихъ опношеній опца къ сыну пребуепъ непременно справедливоспъ, польза общая и пвоя собспвенная. Мы не имѣ-

емъ почти никакого соспоянiя, — слѣдспвенно надобно приучапся къ прудамъ, надобно узнать дѣло; да и кромѣ пого—укоръ въ приспраспн блтъбы для меня чрезвычайно пжалъ.»

» Объявля тебѣ свое желанiе и свои виды, я впрочемъ оспавляю рѣшптельно на пвою волю ѣхапъ-ли въ Сибирь или жипъ въ Пепербургъ; однако-же во всякомъ случаѣ соловья не кормяпъ баснями... Тебѣ нужны деньги... У меня нѣтъ на эпопть разъ ни копѣйки, но ты вѣрно попчасъ-же получишь ихъ, если только явишьса къ одному изъ моихъ давнишнихъ знакомыхъ, Андрею Яковлевичу Сурдинскому, копорый живепъ въ собспвенномъ домѣ подлѣ Симеоновскаго моспа; я писалъ къ нему съ нынѣшней-же почпой, и тебѣ спопптъ опрекомендовапся, показатъ мое пись-

мо, взять полторы тысячи и дать ему расписку, потому что спарить аккурапенъ какъ нельзя болѣе. Не предвижу, чтобы ты встрѣпилъ какія нибудь затрудненія: Сурдинскій богатъ какъ Крезъ, и къ тому-же долженъ мнѣ шесть тысячъ рублей, по одному переводу, сдѣланному съ его собственнаго вызова.»

» Считаю не нужнымъ совѣповать тебѣ не сорить понапрасну деньги: въ эпомъ случаѣ я полагаюсь на твою смѣшленость. Прощай мой милый сынъ! Я буду просить Бога, чтобы Онъ благословилъ всѣ твои начинанія. Въ случаѣ выѣзда, не поропись; береги свое здоровье.

Любящій тебя отецъ

Николай Смоляновъ.»

» Ну, теперь спрашивается, о чемъ вы изволили плакать?« сказалъ Никита Пепровичъ, складывая письмо. Вольдемаръ бросился обнимать его, какъ будто онъ былъ вѣспникъ счастья.

— » Ахъ, какъ я радъ!... Какъ велико мое блаженство!... И бапюшка могъ сомнѣваться, что его желаніе не будетъ для меня закономъ?... Я ѣду! я лечу!... я обниму его колѣна!... Я буду спараться утѣщать его въ спарости!... Мнѣ кажется, что дни черезъ три или черезъ четыре я могу и выгнать... Не правда-ли, Никита Пепровичъ?«—Точно неправда, Владимиръ Николаевичъ!... Но поговоримъте объ эпомъ немного погодя. Вашъ бапюшка замѣчаетъ чрезвычайно спарведливо, что соловья не кормятъ баснями: вы спали — я работалъ въ Де-

парпаментъ, а всякая работа возбуждаетъ аппетитъ. Пойдемше-ка лучше объдашь.»

За споломъ, Одея, которъй слышалъ повѣспованіе кухарки о блистательномъ паденіи моего героя, забывши нѣсколько словъ, проговоренныхъ громче обыкновеннаго, сказалъ, разумѣется безъ всякаго намѣренія: »Кого тебѣ надобно любезный?...« Всѣ засмѣялись; Вольдемаръ покраснѣлъ, но не опспалъ опъ другихъ и самъ забавлялся надъ своимъ комическимъ перепѣніемъ.

Когда въ послѣдствіи мнѣ пересказывали эпопѣ случай, я невольно подумалъ: куда какъ болтливы всѣ нынѣшнія кухарки; ну что - бы, право, брашь имъ примѣръ со своихъ барынь: вѣдь любо дорого смотрѣшь, что эпо

за молчаливыя созданія! пакъ нѣтъ! прещапъ и прещапъ!... Охъ эпъ мнѣ кухарки!...

Время объда прошло очень весело... »Такъ какъ-же! вы хопите ѣхаете непременно черезъ при, или черезъ чепъре дни?« — Непременно, Никипта Пепровичъ, непременно!— Оно и хорошо!... Сыну почпеннаго, уважаемаго Начальника, почпи должно явиться оборваннымъ.— Да развѣ я не могу заказать себѣ плашь; я гоповъ заплапипъ вдвое, впрое, полько чтообы все было гопово черезъ два дни — »Конечно!... Припомъ, пупъ еспъ еще и та выгода, что вы удивите пакою щедростію весь Петербургъ, и вѣрно ужъ будепе предметомъ общихъ разговоровъ.—Насмѣшка!... но что-же мнѣ дѣлашь?—»Спокойно дождапся завпра-

шняго упра, навѣспилъ Сурдинскаго, попросилъ у него денегъ и попомъ, сообразясь съ вашимъ капиталомъ, сдѣлапъ необходимыя покупки; наконецъ, рѣшившись на одно изъ двухъ: ѣхалъ, или оставался здѣсь.... «—И не говорите объ эпомъ! Я ѣду, или не будь я Владиміръ Смоляновъ! — »Счастливыи пупъ!... Только вамъ всеіаки придется вмѣспо прехъ, чепырехъ дней, прожить при, чепыре недѣлки, чпобы сыскапъ попушчика, попому чпо у васъ нѣпъ своего человека, а ѣхалъ одному въ пакую дальнюю дорогу и съ вашимъ здоровьемъ, значилъ рисковалъ собою ни за денежку. «

Возражалъ было нечего, почно пакакже, какъ мнѣ нечего говорить, какъ мучительно было для Вольдемара до-

жидалъся эпaго завпрашняго упра. Наконецъ оно настало.... Серпучекъ вычищентъ съ бѳльшимъ спараніемъ; галспухъ подвязанъ гораздо опряпнѣе; извоцикъ наняпъ на цѣмый день, запѣмъ, чпо предполагалась большая ѣзда, значительныя покупки и даже нѣкоторыя посѣщенія. Человѣкъ, имѣющій въ карманѣ порядочный запасъ собспвенныхъ наличныхъ денегъ, не совѣспилъ показывалъ въ изношенномъ плапѣ: эпo совѣмъ не по, когда нѣпъ ни плапья, ни денегъ.... И пакакъ извоцикъ наняпъ, и Поэпъ, исполненный надеждъ, отправился за золотымъ руномъ, воображая заранѣе, какъ онъ получитъ полпоры тысячи рублей, и какъ онъ не позавидуетъ никому на свѣпѣ, имѣя въ рукахъ эпy сумму.... Вопъ образцовая умѣренность въ желаніяхъ!...

Вопь примѣрное благоразуміе!... Вопь
что значить не забираешься высоко!...

Каждому предназначена своя
участь, копорю онъ долженъ
быть очень доволенъ.

Алжунъ, Дьяконъ Юрксой
церкви.

ГЛАВА VII.

АУДИЕНЦІЯ.

РАЗГОВОРЪ.

Мнѣ кажется, что такой че-
ловѣкъ какъ вы, долженъ пом-
нить о подобныхъ вещахъ.

Чиновникъ Парижской Поли-
ци.

Да, Милоспивый Государь! но
передъ такимъ человекомъ какъ
вы, я не такой человекъ какъ
я.

КОРЕННЕЛИ.

Прекрасный, прехэпажный домъ
Сурдинскаго, если не глядѣлся, по по-
крайней мѣрѣ отражался въ свѣсп-

лыхъ водахъ Фонпанки. Сильно билось сердце Вольдемара, когда всходили онъ по великолѣпной лѣспницѣ, ведущей во второй этажъ; еще сильнѣе, когда взошелъ онъ въ переднюю, гдѣ два жирныхъ лакея-дурака играли въ *умники*; но когда одинъ изъ нихъ, обглядѣвъ его съ ногъ до головы, грубо спросилъ у него: »кого ему надобно?« тогда онъ рѣшился поперялъ все присутствіе духа.

На повипоренный вопросъ, въ помѣже ласковомъ понѣ, онъ насилу могъ проговорить: »Дома-ли Андрей Яковлевичъ? — У себя.—« Пожалуйста доложи, мой любезный, что съ нимъ хочеть видѣться сынъ Николая Ивановича Смолянова.... « *Умникъ* вспомнилъ эту фамилію, еще разъ посмотрѣлъ съ какою-то недовѣрчивостію на Вольдемара; положилъ карпы; вы-

нулъ плапокъ; упёръ себѣ носъ; пихонько приподнялся; поправилъ воротничокъ и волоса — и пошелъ съ докладомъ.

Около десяти минутъ прошло въ неизвѣстности, слѣдственно мой бѣдный просипель имѣлъ время оправиться: онъ сочинилъ на досугъ рекомендапельныя и привѣтственныя фразы; даже успѣлъ углубиться въ мечпанія; но жирный человекъ воропился и громко масно сказалъ свое поржеспвенное: »извольте пожаловать!«

Превосходный парке споловой, двухъ залъ и двухъ госпинныхъ, черезъ которыя вели Вольдемара, горѣлъ подъ его ногами и ярко опражалъ опъ себѣ лучи солнца къ расписному пополу.... Наконецъ ему отворили дверь въ огромный кабинетъ....

Полупрозрачныя зеленыя споры были опущены и сквозь них, по всей комнаѣ, разливался слабый, но чрезвычайнo пріятный свѣтъ. Огромный споль, занавѣщенный до полу темно-оливковымъ сукномъ, споялъ почти на срединѣ кабинета; на этомъ споль, въ самомъ спрогомъ порядкѣ, въ самой почной симепріи, распавлены были разныя бронзовыя, хрустальныя и серебряныя вещицы. Два большихъ вызолоченныхъ Сфинкса служили подножіями двухъ лампъ и занимали собою четверть длины всего спола. Три или четыре кипы бумагъ, чинно связанныя цвѣпными шелковыми сурками, лежали на одной оконечности пого-же спола, между маленькими спатуйками Минервы и Меркурія; на другой, между бронзовымъ Амурчикомъ и фарфоровыми Граціями, по-

коились огромныя счеы съ десяти-милліонными косточками. Маленькій небесный глобусъ споялъ подъ споломъ, а большой земной, вѣроятно нужный для справокъ, подлъ самаго спола, на кругломъ мраморномъ пьедесталѣ. Черныя Волперовскія кресла, обращенныя къ дверямъ, гордо возвышались изъ-за проповной спороны спола.

На эпихъ-то креслахъ сидѣло чпо-по очень маленькое, очень толстое и очень красное. Оно было закупано въ бѣлый халапъ и прикрпыно сверху колпакомъ пакого-же цвѣша... Это былъ самъ хозяинъ.

»Х-ха-ха-ха! Господинъ Смоляновъ!... здравствуйте мой почпеннѣйшій!... х-ха-ха-ха!... здравствуйте!...«
—Позвольте имѣпъ честь рекомендо-
ваться вамъ: я сынъ вашего спараго

знакомаго, Николая Ивановича Смолянова. — » Ну, мой любезнѣйшій, пакъ вы сынъ моего спараго друга Николая Ивановича?... х-ха-ха-ха! «—Точно пакъ. —» Точно пакъ!... х-ха-ха-ха!... Очень радъ, что почно пакъ!... х-ха-ха-ха!... А какъ васъ зовуть? «—Владиміромъ.—» Спало бышь, мой почпеннѣйшій, вы Владиміръ Николаевичъ... неправда-ли?... х-ха-ха-ха!... Садипесь-ка!... Ну!... какъ поживаетъ вашъ бапюшка: все-ли по прежнему?... х-ха-ха-ха! «—Слава Богу.—» Слава Богу лучше всего!... х-ха-ха-ха! «—Онъ приказалъ мнѣ искасть вашего знакомства и просить у васъ денежнаго пособія.—» Денежнаго пособія!... х-ха-ха-ха!... А сколько эпакъ напримѣръ вамъ нужно? «— Мнѣ необходимы для обзаведенія и для проѣзда въ Сибирь полпоры тысячи рублей!... —» Полпоры

тысячи рублей!... х-ха-ха-ха!... Вы разочли очень хорошо, мой любезнѣйшій, только я не дамъ вамъ ни гроша; ни гроша, мой почпеннѣйшій!... х-ха-ха-ха! «—Мнѣ пишеть бапюшка, что вы должны ему до шестипы тысячъ рублей...—» Ровно шесть, мой любезнѣйшій, х-ха-ха-ха! «— И что изъ эпой суммы я могу взять сколько мнѣ будетъ нужно. Вы конечно знаете его руку, и вопъ эпо письмо можетъ доказать вамъ справедливоссть моихъ словъ. —» Да, да, мой почпеннѣйшій: эпо писано почно Николаемъ Ивановичемъ, да вы-по, благодарь, почно-ли Владиміръ Николаевичъ?... х-ха-ха-ха! «— Опкуда-же мнѣ взять эпо письмо?—» А развѣ нельзя поднять на улицѣ?... И эпо бываетъ, мой любезнѣйшій! х-ха-ха-ха! «—Но я могу предспавить вамъ благородныхъ свидѣте-

лей изъ моихъ знакомыхъ, что я поч-
но Владиміръ Смоляновъ.— Свидѣте-
лей?... х-ха-ха-ха!... У кого въ карма-
нѣ полпоры тысячи рублей, тому въ
большомъ городѣ легко набрать бла-
городныхъ свидѣтелей: есть, бабюш-
ка, люди, которые все сдѣлають за
деньги.... х-ха-ха-ха! — Вы можете уз-
нать обо мнѣ въ корпусѣ, изъ кото-
раго я только что выщелъ. — » Въ
корпусѣ? х-ха-ха-ха!... Хорошо, мой
почтеннѣйшій: я посмотрю, я узнаю. «
— Но куда вы узнаете, а я все бу-
ду находиться въ ужасной крайности.—
» Х-ха-ха-ха!... Вы будете находиться
въ ужасной крайности.... Сохрани васъ
Богъ!... Этому горю можно еще посо-
бить!... Возьмите-ка покуда, мой
любезнѣйшій, эти пятнадцать рубли-
ковъ.... х-ха-ха-ха! « — Покорно васъ
благодарю: это будетъ подаваніе, а я

припелъ просить денегъ, которые вы
должны моему бабюшкѣ. — » Х-ха-ха-
ха!... Ну такъ вы не въ крайности,
мой почтеннѣйшій. « — Мое положеніе
почто очень запруднительно, но я все-
таки не нищій.— » Х-ха-ха-ха!... Какъ
вамъ угодно, бабюшка, какъ вамъ уго-
дно!... Х-ха-ха-ха!... Навѣспите-ка
меня недѣлки черезъ полпоры, а ме-
жду тѣмъ я посмотрю, я узнаю....
Куда-жъ вы отправляетесь? « — Я по-
ѣду домой. — » Вы поѣдете домой!...
х-ха-ха-ха!... Ну, прощайте, прощай-
те, мой почтеннѣйшій; смотрите-жъ,
черезъ полпоры недѣлки ко мнѣ....
Х-ха-ха-ха!... Я васъ жду, любезнѣй-
шій.... Х-ха-ха-ха!... Не сердитесь-же
на меня: вы можете быть и въ са-
момъ дѣлѣ Владиміръ Николаевичъ....
х-ха-ха-ха!... только для такого че-
ловѣка, какъ я.... х-ха-ха-ха!... непре-

мѣнно нужно узнатьъ, почино-ли вы пакой чловѣкъ, какъ вы говорите... х-ха-ха-ха! Прощайте!... прощайте!... х-ха-ха-ха!»

» Куда прикажете? « спросилъ извощикъ, когда Вольдемаръ усѣлся на дрожки. — » Пошѣлъ назадъ къ Таврическому саду! «

Пропивъ обыкновенія Никита Пепровичъ воропился уже въ это время домой.

» Чшо?... вѣрно первый блинъ комомъ? « спросилъ онъ у взбѣшеннаго Поэпа. — » Вы никакъ не можете предсавить, что я выперпѣлъ!... Вообразите себѣ кусокъ мяса свекловичнаго цвѣпа — это Андрей Яковлевичъ Сурдинскій; вообразите безпрерывный, какой-то глупой хохотъ, какъ хохотъ чловѣка помѣшаннаго — это его раз-

говоръ!... « Тупъ Вольдемаръ пересказалъ все Хворостову почти опг слова до слова, и заключилъ свой рассказъ объявленіемъ пвердаго намѣренія, что съ эпихъ поръ никогда нога его не будетъ въ домъ Сурдинскаго.

» Напрасно вы даёте такое порже-спвенное обѣщаніе!... Иногда по неволѣ надобно покоряпся обспояпельспвамъ; къ пому-же я узналъ сегодня случайно, что Андрей Яковлевичъ чловѣкъ очень добрый; полько ужъ за то аккурапенъ до невѣрояпной спранности. Завпра Воскресенье: я свободенъ; поѣдемъ къ нему вмѣспѣ; съ нами будетъ еще одинъ изъ его знакомыхъ и впроемъ мы уладимъ все дѣло «

Это успокоило Вольдемара... Какъ

сказано, такъ и сдѣлано!... На другой день послѣ обѣдни они отправились къ Сурдинскому. Онъ принялъ ихъ съ обыкновеннымъ своимъ хохоломъ; посадилъ всѣхъ; познакомился съ Хворосповымъ; оставилъ всѣхъ прехъ обѣдать; кормилъ прюфелями; поилъ Шампанскимъ и, вышедши изъ - за стола, рѣшился наконецъ дать Поэпу... полпораспа рублей, взявъ напередъ по роспискѣ съ обоихъ свидѣтелей. Послѣ коѣе спали прощались.

» Ну, прощайте, прощайте мои любезнѣйшіе! Х-ха-ха-ха!... Приходите-ка ко мнѣ почаще... Я радъ эпакимъ госпямъ... х-ха-ха-ха!... А вы, мой почпеннѣйшій, навѣспите-ка меня черезъ полпоры недѣльки... а я между тѣмъ посмопрю и узнаю....

х-ха-ха-ха!... право-ну узнаю! До свиданія!... х-ха-ха-ха!... «

Такой-то глупъ: я — это говорю, онъ — это доказываетъ.

КАРЛЪ ДЮКЛО,

ГЛАВА VIII.

ТОЛКУЧИЙ РЫНОКЪ.

Если-бы весь свѣтъ открылся вдругъ нашимъ взорамъ, что-бы мы тогда увидѣли?

Демокритъ.

Полпораспа рублей!... Что я съ ними сделаю?... Какъ я извернусь эпини полупораспа рублями?... Можно-

ли бытъ до такой степени недоверчиву?... Какъ поѣду я въ Сибирь?... Какъ я останусь здѣсь?... Хорошо еще, ежели эпомъ красный хомякъ успеетъ надуматься въ свои *полторы недѣльки*.... Но каково ждашь?... О! эпо ужасно!...

Такъ мечталъ Вольдемаръ лежа на своемъ пуховикѣ.... » Полнопе-ка скупаешь, « сказалъ Никипа Петровичъ входя въ его комнапу, —» дѣла-по ваши, кажешся, поправляюся! —» Какъ!... что вы говоришь?... Доканчивайте поскорѣе! « — Андрей Яковлевичъ прислалъ за вами свою коляску и проситъ васъ теперь-же приѣхать къ нему. — » Но какъ-же онъ узналъ мою кварширу? « — Я ужъ и самъ не знаю; впрочемъ объ эпомъ мы разспросимъ послѣ, а теперь вамъ все-таки нечего мѣшкашь. — » Но помилуйте!... какъ я

поѣду въ эпакую пору: шеперь, я ду-
маю, часть двѣнадцатой ночи? «—Двѣ-
надцатой-ли, первой-ли, все равно;
эпо не ваше дѣло; мой совѣтъ—ѣхаль
къ нему поскорѣе. Развѣ вы не знае-
те, что богачи очень часто нарочно
спранничаютъ и дѣлаютъ глупости,
чтобы только чѣмъ нибудь обратитъ
на себя мелочное вниманіе зѣвакъ?...
Ошправляйтесь-ка съ Богомъ!...

Вольдемаръ накинулъ шинель, влѣзъ
въ коляску и лихая чепверня быспро
помчала его къ Сурдинскому.... Онъ
вошелъ къ нему въ кабинетъ и сно-
ва знакомый хохотъ оглушилъ его....
Не знаю почему, но эпа хохотня бо-
гапаго причудника не показалась въ
по время ошврапительною бѣдному
Поэшу.

» Ну что, мой почтеннѣйшій, развѣ

я не посмотрѣлъ, не узналъ?... Опъ
меня ничпо не скроется!... х-ха-ха-
ха!... Точно! почно!... вы сытъ зака-
дычнаго моего друга Николая Ивано-
вича.... х-ха-ха-ха!... Подиште-жъ, об-
нимште меня... х-ха-ха-ха!... Вѣдь вы
на меня не сердитесь? « — Помилуйте!
не перемѣнятъ-же вамъ правилъ чрез-
вычайно благоразумной оспорожности
для одного маловажнаго случая.—» Сла-
вно, Владиміръ Николаевичъ, славно!...
х-ха-ха-ха!... Я, признаюсь сказаць,
не ожидалъ опъ васъ эпаго.... х-ха-
ха-ха!... Теперь, вопъ вамъ цѣлая ки-
па ассигнацій.... х-ха-ха-ха!... Берите,
мой почтеннѣйшій, сколько душъ уго-
дно. «

Обрадованный Поэтъ опсчиталъ
пысячу приспа пшпдешать рублей.

» Я взялъ шакую сумму, копорая
съ прежними полушораспа рублями

сосставишь ровно....—»Ровно полпораспа рублей, мой любезнѣйшій.... Право-ну шакъ.... х-ха-ха-ха!«—Помилуйте!... Какъ полпораспа?...

Ему отвѣчали однимъ хохотомъ, который спановился все громче, громче и наконецъ.... разбудилъ его.

Пуховикъ соскользнулъ попихоньку съ кожанаго дивана; разбогатѣвшій мой герой лежалъ на полу слишкомъ небрежно; передъ нимъ споялъ Никита Петровичъ и хохоталъ во все горло.... Было упрое понедѣльника.... Коляска, шкапулка съ деньгами, и пысячу приспа пшпъдесять рублей, которые были уже въ рукахъ—все лопнуло!

Во время объда положено было прибѣгнуть къ дешевымъ средствамъ шолкучаго рынка.... Полпораспа ру-

блей капишалъ для шакого мѣспа.... Тамъ всѣ низкіе повары, начиная отъ совѣспи сидѣльцевъ до подкрашеннаго плашья въ разноцвѣпныхъ . заплапкахъ , отъ сапоговъ заперпыхъ воскомъ до семилѣровыхъ краденыхъ чашовъ, отъ двухгривенной брилліаншовой булавочки до двухрублевой жемчужной шипки: однимъ словомъ все можно купить по самымъ сходнымъ цѣнамъ.... Волею или неволею надобно было согласиться, и Смоляновъ опправился съ Хворосповымъ принимашъ и раздавашъ шолчки.

Обшояпельспва были шпсны, какъ всякій шолкучій рынокъ, и пошому.... Но сперва позволше мнѣ изложить здѣсь нѣсколько мыслей, которыя сію секунду блеснули въ моей головѣ.

Взгляните, милоспивыя государыни и милоспивые государи, на все и на

всѣхъ: неправда-ли, что все это про-
спло полжучій рынокъ?... Торговая
площадь обширна до невѣроятности;
безчисленное множество поваровъ за-
манчиво разложено на маленькихъ и
большихъ сподликахъ; воптъ *ряды* —
пройдемъ по нѣкоторымъ.

Посмотрите! посмотрите пожалуй-
ста!... Это *рядъ славы*. Тутъ есть
торговля оптовая и торговля по ме-
лочу. Воптъ отдѣленіе *современной
славы*.

Не смѣшно-ли сморгнуть на эпаго
молодаго и богатаго челоука знапной
фамиліи, которій предъявляетъ ог-
ромный списокъ своихъ дурачествъ и
наспояпательно пребуептъ папенпа на
название: *славный мальчій*... Будь онъ
бѣденъ и его-бы назвали *негодяемъ*,
но ему выдано по желанію, попому
что онъ пакой *знатный богачъ*.

Но пише!... узнаемъ о чемъ пол-
куептъ эпоптъ щедушный и ищедуш-
ный липерапоръ съ эпимъ полспень-
кимъ журналиспомъ: здѣсь не грѣхъ
подслушивать.

» Ради Бога, милоспивый государь,
(говоритъ первый) не позабудите
даннаго для васъ обѣда на пяпнад-
цапъ челоукъ, свѣжей сперляжъей
ухи и двухъ дѳжинъ Шампанскаго...
Но это еще не все, и если вы буде-
те сполько добры, что сдержите ва-
ше обѣщаніе, то я повпорю для васъ
по-же самое. «— Будите покойны! оп-
вѣчаептъ полспенькой журналисптъ и
на другой-же день печатаептъ, что
пако-по N. N. пишептъ *славно*, не
смотря на злословіе зависпниковъ, ко-
порыхъ впрочемъ нѣптъ у эпаго го-
сподина N. N., не *смотря* на хвалебный
возгласъ журналиста.

Замѣтя эпитетъ почтенныхъ, скромныхъ людей, которые проходятъ мимо лавокъ и не *торгуются*, вы, можете быть, спросите у меня: кто они такие и неужели они не нуждаются въ славѣ?... Не безпокойтесь!... ихъ закликнуть сами купцы; только не съ такою безстыдною навязчивостію, какъ это дѣлаютъ многіе Московскіе сидѣльцы.... Слова мои оправдались и мы постараемся узнать, что будетъ говорить имъ эпосъ купецъ.

» Милоспивые Государи!... Я у васъ въ долгу.... Вопль въ эпитетъ невидимыхъ сосудахъ хранился ваша кровь, проливая за опечесство; вопль списки вашихъ полезныхъ трудовъ, вашихъ глубокихъ ранъ; вопль превосходные примѣры вашего безкорыстнаго самоотверженія; примите-же дипломы на неподдѣльное уваженіе людей благо-

мыслящихъ; мы знаемъ, что оно прилипнетъ для васъ громкаго площаднаго шума.... Между тѣмъ, справедливость передастъ ваши имена безприспираспной исторіи. «

Потрудитесь взглянуть теперь на право, на эти маленькія и бѣдныя лавки: это *рядъ славы добрыхъ дѣлъ*. Но вы ошибаетесь, если будете судить по вывѣскѣ.... *Здѣсь* вы почти не будете наслаждаться эпою славою: вы человекъ — и общая хвала можетъ сдѣлать васъ суевнымъ и гордымъ; *здѣсь* совѣсть ваша беретъ только квинтэссенцію для предьявленія тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

Прямо передъ нами огромные *ряды погестей и тепленькихъ льстесекъ*.... Взгляните, какая ужасная давка!... Какая крикливая и неопвязчивая поппа мелкоправчатыхъ и увѣсисныхъ чес-

полюбцевъ!... Какъ мнѣ жалко эпитхъ бѣдныхъ сидѣльцовъ, копорые должны продирапья сквозъ буйное и нелѣпое сборище искапелей, чпобы самимъ опыскивапъ dospойныхъ и давапъ имъ заслуженныя награды.

Я, право, не надивлюсь, какъ еще ихъ доспаептъ на все!...

Перейдемпе иперъ въ *ряды браковъ и любви*... Боже пы мой, чпо за безконечная суепта! Здѣсь по большой части аукціонная продажа.

» Тысяча душъ и красота... То и другое не разспроено: кпо чпо? — Семьсопъ душъ и Маіоръ! — Двѣспи душъ и Его Превосходипельство! — *Разъ* двѣспи душъ и Его Превосходипельство... Кпо больше? — Чепыреспа-пипъдесяпъ заложенныхъ душъ, связи и Его Сіапельство! — *Разъ* чепыреспа пипъдесяпъ заложенныхъ

душъ, связи и Его Сіапельство... Кпо больше?... (Молчаніе)... *Два!*... Кпо больше?... (Молчаніе)... *Три!*... За вами, Ваше Сіапельство!... «

Подвинимпесь подальше: мнѣ хочепся знапъ, о чѣмъ хлопчептъ эпощъ уопининькой Нѣмецъ... А! и онъ поже намѣреваепся приспроипъ свою дочку.

» Прекрасное воспитаніе, цѣломудріе, удивительная способноспъ къ хозяйспву и мягкій правъ съ пипью пысячами рублей на государспвенныя аспгнаціи. Нуженъ честный человекъ, преимущеспвенно, изъ дворянъ... Не угодно-ли приспуиппъ? «

Голосъ изъ толпы. — » Вѣчный Типулярный Совѣпникъ, чрезвычайная бережливоспъ, 800 рублей жалованья и безпрекословное повиновение будуще-

му песню. — Чувствительно обязанъ вами, господинъ вѣчный Типулярный Совѣтникъ, но кпо больше? — *Другой голосъ...* Военный офицеръ *на ходу*, любовь въ душѣ и ни гроша за душой. — Последняя спатья не совсѣмъ благообразна, но вы *на ходу* и попому получайте сіе неоцѣнимое сокровище, «ска-заль Нѣмецъ, указывая на свою дочь, и попомъ весело закурилъ трубку съ корошненькимъ чубукомъ.

Далѣе смопрѣшь нечего... Почпи всѣ карпины одинаковы. Тупъ неволь-но вспомнишь романсъ одного изъ на-шихъ молодыхъ литераторовъ, гдѣ между прочими прекрасными, еспъ два прелеснѣйшихъ спиха:

» На звуки золота, какъ звонко

» Ты откликаешься — люблю!»

Впрочемъ, кромѣ золота, слова *свя-*

зи, на ходу и пому подобныя вещи, имѣютъ свою физиономію.

Но вы успали?... Присядыте и вгля-дипесь въ самихъ себя... Чпо такое вы сами? — Топъ-же толкучій ры-нокъ... Для спрастей опкрыпа об-ласъ души, для софизмовъ опкрыпа об-ласъ разума: и шамъ и тупъ вѣч-ная суматоха; и шѣ и другія пол-купся безпрестанно и счень часто сбиваютъ съ толку честныхъ лю-дей.

Обращаюсь къ моему огорченному герою.

Не прошло прехъ часовъ съ при-бышя на толкучій рынокъ и онъ былъ уже въ полномъ нарядѣ... Синій фракъ съ желпыми пуговицами; пале-вая жилетка съ зелененькими цвѣпоч-ками; широкія брюки нѣжнаго горохо-ваго цвѣпа; щегольскіе сапожки на вы-

сокихъ каблучкахъ и съ двадцатью дорожками на подъёмъ; перчатки пабачнаго цвѣта и лиловый шейный платокъ; наконецъ круглая пуховая шляпа и синяя шинель, подбитая каленкомъ; всё это вмѣстѣ давало ему видъ *человѣка порядочнаго*.

Приобрѣшеніе такого блестящаго гардероба и остатковъ принадлежностей рублей, за всѣми расходами, очень порадовали молодого Поэпа, который до этихъ поръ не видалъ въ своемъ карманѣ болѣе полпинника.... Вся шестая недѣля прошла непримѣтно въ посѣщеніи поварихъ и знакомыхъ; на седьмой положено было говѣть....

Кто вдохнулъ въ него мысль говѣть — не премѣнно на этой седьмой недѣлѣ.... За чѣмъ не на шестой, не на пятой?... Какъ много сберегъ-бы

онъ тогда душевнаго спокойствія. Сколько ужасныхъ спраданій, сколько горькихъ слезъ не омрачали-бы печалью его психой жизни; но кто-же знаетъ будущее?... и всегда-ли какое-то тайное предчувствіе предостерегаетъ насъ?... и всегда-ли мы его слушаемся?

Я долженъ пересказать теперь одно произшествіе, обыкновенное для большей части молодыхъ людей; но здѣсь, довольно инпересное по своимъ послѣдствіямъ.... Верно ужъ всё догадались, что дѣло будетъ идти о любви. Да, любезные чипапелли!... Кто изъ васъ не испыталъ этихъ сильныхъ, утраченныхъ біеній сердца; этихъ жгущихъ печалей; этихъ обворожительныхъ воспоминаній; этихъ слезъ; этихъ мечпаній и надеждъ?... А что онъ такое?

» Птицы пѣвчія!... « прокричалъ пропязно разнощикъ дребежжающимъ своимъ голосомъ, проходя мимо моихъ окошекъ.

Точно, мой любезный, почно! подумалъ я: все это птицы пѣвчія; онѣ попоютъ, попоютъ, позабавятъ насъ на нѣсколько весеннихъ дней — и поминай какъ звали!...

Что такое человекъ? Что такое человекъ? Его знаніе — невѣжество; его величіе — ничто; его сила — безсиліе; его удовольствіе — спрдаііе.

ГЕРАКЛИТЬ.

ГЛАВА IX.

О Н А.

Наши братья анатомисты очень похожи на воспитанниковъ, которые знаютъ всѣ улицы, всѣ переулки, но которыми не извѣстно, что дѣлается въ домахъ.

Жанъ Мери.

Пускай въ эпюй девятой и въ слѣдующей десятой главѣ говоритъ самъ Поэпъ.... Дѣло дошло не до шутокъ....

Развернемъ-же его записную книжку.

Апрѣль; вторникъ спраст: недѣля.

Вчера я началъ говѣть въ церкви Таврическаго дворца.... Я выбралъ себѣ постоянное мѣсто на лѣвой сторонѣ подлѣ олонъ.... Занятый исполнѣ высокими религіозными мыслями, я во время священнаго служенія не замѣчалъ ничего окружающаго; но при выходѣ изъ церкви.... Боже мой! что случилось со мною при выходѣ изъ церкви!

Остановясь на паперпи, я глядѣлъ разсѣянно на толпу проходящихъ.... вдругъ.... вдругъ передо мною явилась.... она!

Я чувствую, я увѣренъ, что это милое, обворожительное, полужемное

существо, необходимо для моего бытія.... Я никогда не видалъ еѣ прежде, но ея черты знакомы моему сердцу, какъ черты лица брата, съ которыми распались мы опѣ колыбельныхъ дней и съ которыми свидѣлись въ возрастѣ мужества.... Такіе взоры ея должны свѣплѣть передъ моими взорами!... Я долженъ беспрепятственно слышать ея голосъ, беспрепятственно любоваться ея лицомъ; ея походкой, ея очаровательными пріемами; иначе.... иначе жизнь моя будетъ безконечнымъ бѣдспіемъ.... Нѣтъ! нѣтъ!... Или она всегда со мною—или я не могу существовать!...

Во время вечерни я не спускалъ съ нее глазъ; она замѣтила это и покрасѣла, однакожь попомъ я еще раза два или три уловилъ ея взгляды.

Такъ! я не опводилъ опѣ нее

своихъ взоровъ; но какъ чисты, какъ возвышенны, какъ святы были въ эпо время мои мечпанія!... Въ нихъ не было ничего земнаго; ничего, чѣмъ могло набросить какую-нибудь печальную пѣнь на эпопѣй олицетворенный идеаль прекрасный!... Когда я смопрѣлъ на ея черныя, ослѣпительныя очи, въ копорыхъ ярко виднѣются и высокій умъ, и небесная доброта: мнѣ казалось, что я вижу двѣ путеводныхъ звѣздочки для высокаго подвига душевнаго усовершенствованія. Когда ея слова достигали моего слуха — я препепталь, я былъ счастливъ.... по были звуки, наполнявшіе меня умилипельнымъ благоговѣніемъ.

Послѣ вечерни къ ней подошелъ попъ-же самый старый и дряблый Полковникъ.... Вопъ хорошо!... я, кажется, забылъ сказать объ немъ пре-

жде!... Онъ былъ и у обѣдни... Когда спали расходился, онъ раскланялся съ нею и съ ея матерью, и на улицѣ подалъ имъ объимъ руки. Я слышалъ какъ, обращаясь къ дѣвущкѣ, онъ называлъ ее Елизаветой Егоровной.... И такъ еѣ зовутъ Елизаветой!... Какое прелестное имя!... Но зачѣмъ туть безпрестанно эпопѣй Полковникъ?... Какъ неприятно его желтое лицо; какъ глупы его сѣрые глаза въ красномъ полѣ!... Неужели онъ смѣетъ любить мою Лизу?... Нѣтъ! эпо вѣрно долженъ быть кто нибудь изъ ея родственниковъ....

За ужиномъ Никипа Пепровичъ подшучивалъ надъ моею молчаливостію, но слишкомъ вскользь, такъ что я не былъ поставленъ въ затруднительное положеніе.... Я сложилъ все на головную боль.

Что-то теперь дѣлаетъ моя дивная полубогиня?... Двѣнадцатый въ исходѣ!... Она спитъ!... Какъ прелестны должны быть ея сновидѣнія; но и я... и я буду счастливъ во время сна: она не распанется со мною.

Черезъ два дни.

Вчера она приобщалась Святыихъ Тайнъ... Какъ чудесно свѣплѣлось ея плѣнительное лицо, когда, по совершеніи обряда, она шла къ своей мапери, чтобы поцѣловаться съ нею!... Проходя мимо, она взглянула на меня, и я замѣнилъ, что эпитопъ взоръ выражалъ благодарность... Неужели я поклонился?... неужели невольно я исполнилъ по, что такъ пламенно хотѣлъ и что не рѣшался сдѣлать?... Помомъ, когда я въ свою очередь во-

ропился на свое мѣсто, мнѣ показалось... Но нѣтъ!... я въ эпитомъ прочно увѣренъ!... я видѣлъ эпито собственными глазами: она поздравила меня своимъ выразительнымъ взглядомъ... Я не слышалъ подъ собой земли... я весь... былъ одинъ вспоргъ....

Вскорѣ подошелъ къ *нимъ* и красноглазый... Признаюсь со стыдомъ, что я не могъ удержаться отъ улыбки и отъ какой-то невольной радости, когда онъ, рассыпаясь въ поздравленіяхъ, зацѣпился за что-то шпорами или шпагой и чуть-чуть было не полетѣлъ со всѣхъ ногъ на полъ...

При выходѣ изъ церкви, и поупру и вечеромъ, она оборачивала назадъ свою голову и взглядывала на меня... О сладостная, упоительная мечта!... Неужели она поняла мои чувства?

Сегодня поупру жестокая головная боль удержала меня дома. Ко мнѣ приѣхалъ Зоровъ, докпоръ, копорый меня пользуется. Онъ коропкій пріятель Никипы Пепровича, — его *визиты*: проспо дружескія посѣщенія.

» Вы очень переѣвились въ послѣднее время... Я замѣчаю въ васъ чпопо особенное,« сказалъ онъ входя ко мнѣ. — Напропивъ! я чувспвую себя очень хорошо. — » А мнѣ пакъ сказывала Елизавета Алексѣвна, чпо вы ничего не кушаете.«—Я говѣлъ.—»Чпо вы сдѣлались груспны и молчаливы... чпо-сь?... и эпо опъ пого, чпо вы говѣли? «

Я молчалъ.

» Позвольте-ка мнѣ вашъ пульсъ.« Въ эпо время кончилась обѣдня... прихожане шли мимо... я взглянулъ на

улицу — и вспыхнулъ.... Она нечаянно посмопрѣла въ окно и увидѣла меня... Между тѣмъ Зоровъ, не выпуская моей руки, слѣдилъ за всеми малѣйшими моими движеніями, и когда я нагнулся, чпобы выспавить свою голову, онъ опвелъ меня почти силой и прибавилъ улыбаясь: » Берегитесь, чпобы опять не поперять равновѣсія.«

Я покраснѣлъ снова.

» Но вашъ пульсъ.... Спранная вещь! онъ бѣется какъ у человека влюбленнаго.« — Иванъ Федоровичъ! пощадите меня ради Бога!—»Ничего, молодой человекъ, ничего! особенно если дѣло идетъ объ Елизаветѣ Егоровнѣ Буклиной, копорая сію минушу прошла мимо окошекъ.«—Объ ней! почпо объ ней!... Но скажите, неужели вы её знаете?—» Воиъ прекрасно!... Покойный Егоръ Анпоповичъ былъ мнѣ

спарый и преспарый другъ.... Эту малюпку Лизу, я знавалъ, когда она была еще вопть эпакой крошкой.... Теперь я ѣзжу къ спарушкѣ изъ мѣсяца въ мѣсяць; но если вы хопите, я могу познать васъ на нынѣшнихъ-же праздникахъ, разумѣется испрося напередъ позволеніе.... У Лизы есть братъ Василій немного моложе васъ: онъ добрый малой—и вы съ нимъ сойдетесь. «—Но вы не шупите?... вы не смѣетесь надо мною? — » Чпожь шупъ смѣшнаго, если я хочу ввести васъ въ хорошій домъ.... Но довольно!... довольно!... Я вспомялъ опъ вашихъ объяпій.... Сядемте лучше и поговоримъ объ эпомъ посерьезнѣе.»

» Вы добры, вы умны; но вы молоды, неопытны и чпо еще хуже—вы чрезвычайно неперпѣливы. Я самъ же-

нился въ ваши лѣпа, хопя и зная очень хорошо, чпо безсмерпный Платонъ не совѣпуетъ жениться раньше 30 лѣтъ, а великій Аристопель даже раньше 35; но я женился и по сіе время живу очень счастливо. Впрочемъ, надобно вамъ сказать опкровенно, чпо я имѣлъ руководителя.... Дѣла пакого рода пребуютъ чрезвычайной оппорожности: ихъ надобно начинать подумавши да и подумавши, и попому всего лучше, если вы на первый разъ выкинете изъ головы вашу любовь.... « .

— » Нѣтъ!... эпо невозможно!... я скорѣе умру! «

— » Но ваша поѣздка въ Сибирь? «

— » Я оспаюсь въ Пепербургъ, или не будь я Владиміръ Смоляновъ! «

— » Эпо другое дѣло!... Но вы не

имѣете еще никакого мѣста; а служить должно непременно.»

— » Я опредѣлюсь поспѣшь послѣ праздниковъ. «

— » Дай Богъ!... дай Богъ!... Впрочемъ во всякомъ случаѣ поспѣшность и неоспоримость будутъ для васъ очень вредны.... При первомъ знакомствѣ обуздывайте себя, бывайте у Букиныхъ какъ можно рѣже; иначе вы испортите все дѣло.... «

— » Конечно!... И мнѣ кажется, что пять или шесть разъ въ неделю.... «

— » Помилуйте, Владиміръ Николаевичъ, помилуйте!... да эпаго много и въ мѣсяцъ!... Говорю вамъ, бывайте какъ можно рѣже; ведите себя такъ, чтобы за вами не спали замѣчать.... Попомъ, когда вы познакомились по-

короче.... Но прежде скажите, согласны-ли вы со мною, что женильба есть вещь очень важная, и что слѣдовательно намъ необходимо узнать напередъ совершенно ту особу, съ которою мы хотимъ соединить нашу участь? «

— » Это выше всякаго проповорѣчія! «

— » Очень радъ, что вы такъ думаете и радъ тѣмъ болѣе, что хотя кое въ чемъ могу быть вамъ полезенъ. Слушайте-же теперь со вниманіемъ. «

» Вы влюблены, стало быть вы видите все сквозь призму очарованія: вы только чувствуете, а не судите. Но есть превосходный способъ узнать истину: кромѣ безошибочности, онъ хорошъ и тѣмъ, что вы будете въ одно и то-же время изучать и насла-

ждаться. При свиданіяхъ съ Лизой, спарайтесь вглядываться во всѣ ея черпы, во всѣ ея движенія и попомъ передавайте все мнѣ. Моя опытность и кое-какія свѣденія докончатъ остальное: вы будете знать ее вдоль и поперекъ. «

«Чтобы не позабыть, запишите-ка теперь-же, на что въ особености должно быть усмотрено ваше вниманіе. «

Когда я приготовилъ бумагу и перо, Зоровъ спалъ продолжая слѣдующимъ образомъ.

«Знаменитый Гельдеръ говоритъ въ своей пластикѣ, что шея, лобъ, брови, корень носа, глаза, губы и уши, суть знаки открывающіе обычныя спраски нераздѣльнаго и попому вы должны замѣтить:

» *Пунктъ первый.*—Толстопу и длину шеи... Это ведетъ ко многому! «

» *Пунктъ второй.* — Устройство лба.... Тупъ, не вдаваясь въ непоскопизмъ, по еспъ, въ челогадапельство, можно по нькопорымъ прямымъ и кривымъ лшнеймъ узнать объ умственныхъ способностяхъ. «

» *Пунктъ третій.*—Абрисъ, цвѣтъ и положеніе волосъ у бровей. «

» *Пунктъ четвертый.*—Форму носа, толстопу его, и до какой степени подвижны носовыя крыльца. «

» *Пунктъ пятый.* — Относительно глазъ, вы должны замѣтить какъ шупы, или какъ оспры углы ихъ, находящіеся у корня носа. «

» *Пунктъ шестой.*—Величину, жапость, или на оборотъ полноту губъ, и наконецъ:

» *Пунктъ седьмой.* — Присмотритесь, соразмерно-ли приплюснуты уши, и не подернуты-ли они пухомъ. Эпо последнее обспояпельспво можетъ имѣть большое вліяніе на семейственное счастье, попому чпо пушокъ означаепть сласполюбіе... Но поспойте! поспойте!... Еще не все! «

» Я вспомнилъ сей часть, чпо Ариспопель и попомъ Цицеронъ, въ превосходной книгѣ своей: *De Legibus*, совѣщуютъ непременно обращаепть вниманіе на подбородки, и попому прибавьте еще: «

» *Пунктъ осьмой.* — Относительно подбородка замѣнитъ, къ какому изъ прехъ главныхъ родовъ принадлежитъ онъ: къ вдавшимся, къ перпендикулярнымъ, или къ оспроконечнымъ. «

» Теперь на первый разъ довольно: вы сдѣлаепте наперѣдъ свои наблюденія и попомъ напишите ихъ мнѣ на особомъ листкѣ; ваши опмѣтки будутъ для меня самыми повяпными іероглифами... Эпимъ кончапся наши физіономическія изслѣдованія, а тамъ... а тамъ мы перейдемъ къ Папагномиі, по еспъ къ созерцанію челоуѣка въ его дѣйспвіяхъ, и къ объясненію невидимаго, по видимымъ явленіямъ и знакамъ... Тогда опъ насъ ничпо не скроепся, — эпо вы увидите!... Вы убѣдитесь погда, чпо я недаромъ изучалъ безмерпныхъ писателей, каковы: Монпанъ, Баконъ, Лейбницъ, Вольфъ, Геллертъ, Лянанбрь и еще нѣсколько другихъ... Да!... вы убѣдитесь въ эпомъ! «

» Однако-жъ прощайте! до свиданія!... Я заговорился, а меня ждупть мои

больные.... Пусть разговоръ нашъ будетъ покуда между нами.... Прощайте! «

Онъ обнялъ меня крѣпко, съ какимъ-то самодовольствіемъ и ухмалъ.

Постараюсь угодить ему самыми вѣрными замѣчаніями; къ тому-же онъ почто сказалъ правду: я буду въ одно и то-же время изучать и наслаждаться.... Какъ высоко будетъ это чистѣйшее наслажденіе!... Взгляды ея зажгутъ въ душѣ моей небесное вдохновеніе.... слова ея—упомятъ меня воспоргами.... Да!... я узнаю погда вполне неземное блаженство.... Я буду самымъ счастливейшимъ изъ смертныхъ во время эпихъ невинныхъ, обворожительныхъ свиданій, потому что одна мечта о нихъ опдѣляетъ меня отъ всего ничпожнаго.... Сердце мое понептъ въ морѣ радости, и какой-то

дивный пламень грѣшетъ и освящаетъ всю духовную мою природу.... Я ложусь.... но могу-ли я спать, когда мнѣ такъ сладостно воображать передъ собою мою плѣнительную Лизу?... Нѣтъ!... я буду думать о ней, все о ней.... только о ней одной!... Нѣтъ!... я не расстануся съ Лизой!

Стачка Генева.

Мнѣ пріятно общество съ прекрасными и чистыми женщинами.

Монтань.

Потому что и у меня есть также разборчивые глаза.

Цицеронъ.

ГЛАВА X.

О Н А - Ж Е.

Я не могу высказать,
какъ я уважаю красоту,
это могущее и выгодное
качество.

Монтань.

На другой день. Суббота.

Какой день!... Какой счастливый
день!... Сегодня я видѣлся съ нею у
обѣда... Она меня любитъ... или я

поперялъ разсудокъ и вижу все иначе,
нежели оно есть на самомъ дѣлѣ...
Когда ея масть клала земныя покло-
ны, мы обмѣнялись съ нею привѣт-
спвенными взорами... Въ концѣ ли-
тургии, лица и предметы спали кру-
жились передо мною; я хотѣлъ выд-
ти; но колѣна мои подогнулись — и я
покачнулся во впадину окна... Когда
я пришелъ въ себя, я сидѣлъ на спу-
пеняхъ церковнаго крыльца; меня под-
держивалъ ливрейный лакей Букли-
ныхъ; передо мною споялъ братъ Ли-
зы, котораго я узналъ попочасъ-же
по лицу.

» Наконецъ-то вы пришли въ себя!...
Что это у насъ за народъ?... Когда
вамъ сдѣлалось дурно, никто изъ
споящихъ подлѣ васъ не пронулся съ
мѣспа... Моя сестра замѣпила первая
вашъ обморокъ, въ шу-же секунду ска-

зала мнѣ—и я, вопль вмѣстѣ съ нимъ, вывелъ васъ. « — Я, право, не прищучу словъ, какъ мнѣ благодарить васъ и добрую Елизавету Егоровну, которой угодно было принять въ мнѣ участие. — » Какъ!... Вы знаете имя моей сестры! «—Также какъ и ваше, и я очень благодаренъ своему обморочу: онъ доставляетъ мнѣ пріятнѣйшее удовольствіе познакомиться съ Васильемъ Егоровичемъ Буклинымъ, о которомъ я слышалъ такъ много прекраснаго. — » Вы чрезвычайно меня удивляете; но кто могъ разсказать вамъ объ насъ? «— Докторъ Зоровъ, который былъ у меня въ то время, когда ваша маминька и ваша сестрица проходили изъ церкви мимо моихъ оконъ.—» Позвольте-же узнать и мнѣ, съ кѣмъ я имѣю честь познакомиться? «—Я Владиміръ Николаевичъ Смоляновъ.—» Смоля-

новъ!... Смоляновъ!... Боже мой, какая знакомая фамиція... Ахъ, дай Богъ памяпи!... Смоляновъ... Да!... Не родня-ли вы Якову Афонасьевичу Сашину.—» Это мой родной дядя.—» Вопль прекрасно!... Вопль встрѣча!... Сашинъ не только давнишній другъ нашего дома, но даже *свой* со стороны покойнаго моего бапюшки... Признайтесь-ли, что я и самъ благодаренъ теперь вашему обморочу. Обнимимпесь-же какъ родные! «

Мы обнялись и крѣпко пожали другъ у друга руки... Въ это время народъ спалъ выходилъ изъ дверей... Я вздрогнулъ и оробѣлъ, когда изъ-за-головъ показалась знакомая мнѣ соломенная шляпка.

» Какая пріятная новость, маминька! « сказалъ Буклинъ обращаясь къ

почтеннѣйшей спарушкѣ. » Рекомендую вамъ новаго своего пріятеля и родспвенника: это Владиміръ Николаевичъ Смоляновъ, племянникъ Сашина. «

Я подошелъ какъ трусъ уличенный въ преспуленіи; раскланялся хуже чѣмъ желтый Полковникъ, и пробормоталъ что-то, какъ ребенокъ съ просонья; однакожь, немного погодя, я собрался съ духомъ и началъ благодарить сперва Анну Ивановну, по естъ мать молодыхъ Буклиныхъ, а потомъ и миленкую Лизу.

Не знаю за что именно и какъ я благодарилъ ихъ обѣихъ, помню только, что я выразился очень дурно, несвязно и нелѣпо; но это все таки лучше, нежели не сказать ни слова.

Хотя моя квартира была очень

близка, но мы шли такъ тихо, что успѣли расчесаться въ родспвѣ. Я приходился спарушкѣ какимъ-то племянникомъ въ чепверпомъ или пяпомъ кольнѣ.

» И такъ я имѣю счастье быть вашимъ братомъ, « сказала я Лизанкѣ. — Мнѣ это очень пріятно!... Мы всѣ такъ любимъ почтеннаго вашего дядюшку. — И вы позволите называть васъ сесприцею? «— Съ большимъ удовольствіемъ, если это вамъ нравится. «

Она проговорила этѣ послѣднія слова такъ обязательно; она взглянула на меня такъ мило; ея полненькія, чудныя губки такъ хорошо обрисовались въ это время, что мнѣ... мнѣ хотѣлось броситься къ ея ногамъ въ шуже секунду; но я вспомнилъ, что мы на улицѣ и, что еще хуже, я вспо-

мнилъ, что мы живемъ въ пакомъ вѣкѣ, въ копоромъ должно скрывать опть людей даже самыя лучшя, самыя высокя чувства; я вспомнилъ жалкя, оледняющя законы приличй, вздохнулъ—и спать раскланиваюсь.

Мы приоспановились... Это было прошивъ самыхъ моихъ окошекъ.

» Если мой племянничекъ не опозванъ, « сказала мнѣ Анна Ивановна, » новая пепушка ожидаетъ его завтра въ два часа къ обѣду.—Я почпу себя за особенную честь....—» Безъ церемонй, племянничекъ, пожалуйста безъ церемонй!... Я жду васъ какъ родного. «

— » А мнѣ позволите разговѣться съ вами?... « закричалъ кто-то изъ окна. Всѣ обернулись.... Зоровъ, выспавя голову, ожидалъ отвѣта.

— » Ахъ, это вы, Иванъ Федоровичъ.—Къ вашимъ услугамъ.—» Приѣзжайте!... приѣзжайте!... Я выдеру вамъ для праздника уши за то, что вы насъ забыли.— Такъ ужъ и бытъ... извольте!... Чѣмъ кто не шумитъ!

Между тѣмъ братъ Лизы распологовалъ мнѣ, гдѣ они живутъ; поклонны начались снова и мы распались.

Войдя въ комнаты, мнѣ должно было пересказать обо всемъ. Когда я кончилъ, Зоровъ обѣщался захватъ за мною на другой день въ исходѣ впопраго часа и просилъ, чпобы я былъ гоповъ къ этому времени.... Ужасно нужно просить, когда я буду гоповъ съ раняго утра!...

Желпякъ, который шѣлъ изъ церкви поже вмѣстѣ съ нами, едва удо-

спомлъ кивнушь мнѣ головой, когда я ему поклонился. Большая мнѣ надобность въ его поклонахъ!... Не велика еще фигура!...

Какая досада, что у меня нѣтъ другой пары плащя!... Охъ эпошь мнѣ Андрей Яковлевичъ Сурдинскій!...

Кончаю эпимъ покуда мои выписки изъ дневника.... Можеть быть инымъ покажется спраннымъ, что мой Поэпъ, и еще Поэпъ влюбленный, слѣдственно проникнутый насквозь возвышенными и священными чувствами, какъ цвѣпокъ аромапомъ, какъ спихъ Языкова — благозвучноспью, могъ сердиться безъ причины на Полковника, и унижапъ себя досадою, за чѣмъ дескапъ нѣтъ другой

пары плащя; можеть быть они скажутъ, что эпоаго *быть не можеть*; но дневникъ у меня по сію пору, повѣрку сдѣлапъ легко, и тогда всякій увѣрипся, что я не виноватъ въ подлогѣ.... Да ужъ полно виноватъ-ли и Поэпъ, что онъ написалъ эпо?

Ахъ! какъ трудно (говаривалъ Агезилай) и любить, и быть мудрымъ въ одно и тоже время!...

Плутархъ.

ГЛАВА XI.

САМОЕ БЕЗПРИСТРАСТНОЕ РАЗСУ-
ЖДЕНИЕ.

Величайшая ошибка чело-
веческой мудрости — есть изли-
шекъ доверенности, съ копо-
рою мы судимъ о будущемъ по
настоящему, о цѣлой жизни по
одной минути.

Ж. Ж. Руссо.

Не будь у меня превосходной памя-
ти, и я-бы долженъ былъ остано-
виться на эпозъ мѣспѣ въ моемъ по-

вѣспованіи. Сегодня поуспру развер-
нулъ я дневникъ Вольдемара, чптобы
продолжапъ свои выписки; хватапъ!
прехъ листковъ какъ не бывало, имен-
но съ самага того мѣспа, на копо-
ромъ я вчера кончилъ, а чепыре слѣ-
дующихъ справички сверху до низу
залипы чернилами. Слѣдспвіе, произ-
веденное *по горячилиъ слѣдалъ*, оп-
крыло преспупницу: моя маленькая
Соничка изволила упопробитъ часпъ
драгоценной рукописи на....

— »На чпто-бишь ты, Соничка, упо-
пробила её?« — На выкройки для ку-
коль, папинька!

Вопъ видипе-ли!... Но у меня пре-
красная память — и вы можете быть
спокойны.

Воскресенье и впорникъ Свѣплой
недѣли были для Вольдемара днями

блаженства!... Добрая старушка, Анна Ивановна Буклина, ласкала его какъ роднаго сына, а чепырнадцатилѣтняя рѣзвушка Лиза сбросила съ костей до чепырехъ колѣнъ, и обходилась съ нимъ, какъ съ двоюроднымъ братомъ.

» Пойдемте-ка, братецъ, я вамъ спою что нибудь, если полько вы любите слушать дурное пѣніе... Полюбуйтесь этими нелѣпыми рисунками,—это пруды вашей сестрицы... А какъ вамъ нравится эта бисерная работа—не правда-ли—чудо! На примѣръ, это по тоненькой, порхающей Амуръ чрезвычайно похожъ на стрекозу, а эта богиня любви — ни дасть, ни взять моя нянюшка.

Такъ лепетала Лиза и разумеется, что Поэтъ находилъ ея пѣніе — оча-

ривательнымъ; ея ландшафты — прекрасными для настоящаго времени и общающими удивительные успѣхи въ будущемъ; ея бисерныя карпинки — произведеніями самаго утонченнаго вкуса. И онъ не льспилъ, потому что первая, пламенная, наспоющая поэтическая любовь не знаетъ лестни, а ужъ она не виновата, что иногда почти все предметы видить на выворотѣ, или украситъ до того, что копія, нарисованная воображеніемъ, столько-же похожа на оригиналъ, сколько роза похожа на крапиву. Впрочемъ, я не применяю этого къ Лизѣ: она точно очень умна, весьма добра, чрезвычайно находчива, удивительно мила и непостижимо какъ хороша собою.

Не говорю ни слова о молодомъ Буклинѣ. Еще въ воскресенье, онъ и новый братецъ его, заключили вѣчный

оборонительный и наступательный союз на ты... Это так обрадовало Лизу, что когда новые друзья скрепили его числосердечнымъ объёмомъ, то она, въ два въ прыжка подскочила къ своему родному братцу, и ужъ не знаю за что, только расцѣловала его крѣпко и прекрѣпко.

Возвращаясь во вторникъ домой, Вольдемаръ нашелъ новое письмо отъ своего отца. Между прочимъ тамъ было сказано: »Забываясь о себѣ, я на всякій случай писалъ съ сею-же почтою къ прежнему своему сослуживцу и другу, почтеннѣйшему Генералу Пупову, чтобы онъ снабдилъ меня деньгами, если только ты, почему-бы то ни было, не получишь ихъ отъ Андрея Яковлевича, и проч.«

Это существенное благо, хотя и

было, по мнѣнію Поэта, далеко ниже его духовныхъ наслажденій, но запасъ никогда не дерётъ кармана. Онъ былъ радъ, и радъ былъ болѣе, что завпра кончались *полторы недѣльки*, назначенныя Сурдинскимъ, чтобы *посмотрѣть* и *узнать* объ немъ, а ему спрaxed какъ не хотѣлось услышать еще разъ его хохотливые опказы.

Время не ждетъ насъ, говоритъ поговорка — и время летѣло. Всякій день, ложась спать, Вольдемаръ давалъ себѣ слово побывать у Генерала Пупова *непрелѣнно* завпра — и завпра снова повпорядилось по-же самое объщаніе... Да и когда-жъ, въ самомъ дѣлѣ, было ему успѣть?... Сами посудите...

Утромъ докторъ предписалъ ему прогулку; конечно, нѣтъ спора, очень

было-бы можно пройпись и до старого сослуживца своего опца, но изволице видѣть, въ такомъ случаѣ надобно повернуть изъ воротъ на право, и тогда никакъ-бы не лзя было говорить, проходя мимо одного дикинькаго домика: » съ добрымъ упромъ, сесприца! « И никпо-бы не выспавилъ изъ окошка миленькой головки, съ черными блестящими кудрями, разсыпанными по плечикамъ... но по какимъ плечикамъ!... Никпо не кивнулъ-бы эпакой головою съ такимъ ласковымъ привѣтомъ; никпо звонкимъ, пріятнымъ голоскомъ не сказалъ-бы ему въ отвѣтъ: » покорно васъ благодарю, брапецъ! « Никпо не спросилъ-бы его съ участіемъ о здоровьи и не прибавилъ-бы въ полголоса, но слишкомъ внятно: » заходише - ка вечеромъ!... « Нытъ!... удивительно какъ

глупа эпа правая спорона—и онъ поверпывалъ всегда на лѣво, и ему кивали миленькой головкой, благодарили его за привѣтствіе, спрашивали о здоровьи, и попомъ, когда онъ возвращался домой, его приглашали немножко опдохнуть, попому что онъ вѣрно ужъ успалъ. Тутъ приближалось время обѣда — когда-же было ѣхать къ Пупову?... Не вечеромъ-же? эпо пакъ неучиво! Сверхъ того онъ былъ всегда приглашенъ на вечеръ, а не исполнилъ слова, даннаго хорошенькой дѣвушкѣ, значило - бы не имѣть никакого понятія о приличіяхъ....

Наступила суббота Ооминной недѣли.... Эпо былъ день рожденія маленькаго Оеди.

— » Не проведете-ли вы сегодня

вечеръ вмѣстѣ съ нами?... У меня будетъ кое-что изъ своихъ, «сказалъ Вольдемару Никипа Пепровичъ, часу въ пятомъ или шестомъ послѣ обѣда. — Я такъ и располагался. — » Ну, очень радъ!... А когда вы располагаетесь съѣздить къ Пупову? «—Я поѣду завтра, *непретменно* завтра! — » Спасибо бытъ, этакъ дней черезъ десять вы махнете и въ Сибирь?... То-то вы обрадуете Николая Ивановича! «— Да знаете-ли что, Никипа Пепровичъ, ужъ не оспаться-ли мнѣ здѣсь?... Я давно хотѣлъ поговорить съ вами объ эпомѣ по серьезнѣе.... Нѣкоторыя мои замѣчанія и самыя *безпристрастныя разсужденія*, почти совершенно убѣдили меня, что служба въ Пепербургѣ можетъ открытъ мнѣ гораздо лучший карьеръ, нежели служба въ Сибири.... И что я шамъ выиграю?... Впрочемъ,

оставя службу, меня чрезвычайно беспокоить и то, что въ такой далекой и глухой споронѣ, какова Сибирь, я навѣрно буду лишенъ всѣхъ средствъ къ дальнѣйшему образованію.... Къ тому-же, не самѣ-ли вы говорили мнѣ нѣсколько разъ, что одна только столица можетъ исполнить способности молодого человѣка.—»Точно! я какъ-то говорилъ объ эпомѣ, хотя и не выдавалъ за положительное правило; но вашъ бапюшка? «— Развѣ онъ не предоспавилъ мнѣ всего на собственный мой выборъ?... Развѣ ему не одинаково пріятно будетъ слышать, что я своимъ спараніемъ начинаю открывать себѣ хорошую дорогу, или видѣтъ это собственными глазами.—»Все такъ!... Но гдѣ-же ваше твердое намѣреніе? «—Придумавши и убѣдившись въ чемъ нибудь луч-

шемъ и болѣе полезномъ, мнѣ кажется не только можно, даже должно оставлять безъ дѣйствія прежнія свои предположенія; иначе это будетъ упрямствомъ, а не пврдоспью характера.—»Согласенъ!... Но не удерживаютъ-ли васъ какія-нибудь мелочныя причины, которыя въ послѣдствіи могутъ сдѣлаться важными и отвлечь отъ дѣльныхъ занятій?... Сможете, не обманываяте самихъ себя, и если спали думать и обсуживать, такъ думайте и обсуживайте обо всемъ.» — Увѣряю васъ, что послѣднее мое намѣреніе есть плодъ одного здраваго и самаго неприспраснаго разсужденія: тутъ не входили въ расчетъ никакія мелочи; я заботился объ одной истинной пользѣ. — »Хорошо! я вѣрю вамъ на-слово.... Спало бытъ теперь мнѣ можно начать прискивать вамъ

мѣспечко?«—Вы меня чрезвычайно обяжете. — »А между тѣмъ завтра вы всё-таки съѣздите къ Генералу?« — Непремѣнно!

Этимъ кончился разговоръ—и Вольдемаръ остался очень довольнымъ. Онъ былъ пврдо убѣжденъ, что ему удалось провести Никиту Петровича, что онъ миспифировалъ себя прекрасно, и что тайна его непроницаема.... Ироническая улыбка прозаика ускользнула отъ наблюденія Поэта.

Невозможно услышать два мнѣнія совершенно одинаковыхъ, не только отъ разныхъ людей, но и отъ одного человека въ разное время.

Монтань.

ГЛАВА XII.

КАФЕДРА ФИЗИОНОМИКИ.

Если-бы добродѣтель захо-
пѣла осчастливить людей сво-
имъ появленіемъ, чей образъ мо-
гла-бы избрать она, кромѣ тво-
его, чтобы привлечьъ и око-
вызвать наши сердца?

Виландъ.

Черезъ часъ или черезъ полпора
по окончаніи разговора, который я пе-
решкалъ вамъ въ XI главѣ, къ Ники-

пѣ Пепровичу сошлось и съѣхалось
нѣсколько коропкиихъ его знакомыхъ.
Подали чай и пунишъ.... Раздали кар-
пы для двухъ бошонныхъ паршій:
два пуза выбрали себѣ мѣста; двойки,
пройки и чепверки съли гдѣ кому смѣ-
довало.... Когда началась игра, Зоровъ
взялъ Вольдемара за руку и пошелъ
съ нимъ въ его комнату.

— »Ну, Владиміръ Николаевичъ, го-
пovy-ли ваши замѣчанія?... Въ про-
долженіи двухъ недѣль вы, какъ я слы-
шалъ, бывали у Буклиныхъ почти
каждый день и должно полагать, что
вамъ извѣстна теперь вся подногот-
ная.«—Опимѣпки мои готовы давно и
вы увидите, что я не проронилъ ни
одной черпты. — »Тѣмъ лучше! пѣмъ
лучше!...«—Мнѣ будетъ гораздо легче
объяснить вамъ значеніе часпей; жаль
только, что въ первый разъ я не по-

говорилъ съ вами по подробнѣе о Па-
пагноміи. — » Не безпокойтесь и объ
эпомъ: я какъ нарочно созерцалъ мою
Лизу и въ ея дѣйствіяхъ, а попому
вамъ очень можно прислушивъ шеперь
къ объясненію *невидимаго* по види-
мымъ знакамъ и явленіямъ. «—Опъ-ча-
су не легче!... Прекрасно, Владиміръ
Николаевичъ! прекрасно!... Вы общае-
ше многое!... Какъ!... Не позабыли
даже ни одного изъ моихъ выраже-
ній!... Я въ восхищеніи опъ васъ!...
Начнёмъ же разсмапривать ваши за-
мѣчанія... Наперѣдъ воображаю, какъ
они почны и основательны!... По-
спрудитесь прочестъ ихъ, полько по-
жалуйста не поропась,

— » *Пунктъ первый*... Прелестная
шея моей очаровательной Лизы нѣ-
жна, бѣла и удивительно какъ хоро-

шо сложена: я не видалъ ничего по-
добнаго въ эпомъ родѣ. «

» *Пунктъ второй*... «

— » Позвольте!... Позвольте!... Вы
ничего не сказали о ея полспопѣ и
длинѣ... Впрочемъ, если она сложена
хорошо, пакъ она почно должна бытъ
хорошо сложена... Это удовлетвори-
тельно!... Продолжайте!... «

— » *Пунктъ второй*... Лобъ накло-
ненъ нѣсколько назадъ; онъ, какъ мнѣ
кажется, занимаетъ цѣлую прѣпь ли-
ца и пльнительно закругляется къ
верху; но, признаюсь вамъ, я не замѣ-
пилъ на немъ никакихъ прямыхъ и
кривыхъ линий, попому что онъ гла-
докъ и бѣлъ, какъ драгоценный мра-
моръ Каррары. «

— » Не ужели ваше описаніе вѣр-
но? «

— » Какъ не лъзя болѣе! «

— » Опъ души поздравляю васъ! Узнайте-же, милоспивый государь, что лбы, подобныя этому, имѣли одни только самыя знаменитые люди.... Взгляните на бюсты Гомера, Платона, Пюпона, Монпескье, Кларка и Адиссона; взгляните, сравните и восхищайтесь! «

— » *Пунктъ третій*.... Я по сію пору не могъ еще налюбоваться на правильныя и лоснящіяся дуги черныхъ ея бровей.... Вопъ всё, что я могу сказать вамъ о сихъ послѣднихъ. «

— » И довольно!... признакъ хорошъ! Читайте даѣе! «

— » *Пунктъ четвертый*.... Носъ чуть-чуть приподнятъ, что мнѣ чрезвычайно нравится; ширина его со-размѣрна какъ нельзя болѣе съ его

длиною.... Носовыя крыльца бывають изрѣдка нѣсколько подвижны. «

— » Эпаккой носъ, сударь, еспъ очень вѣрная примѣпа сильной души, умьющей спрадапъ, и высокыхъ умспивенныхъ дарований, а подвижность крыльць ручаѣтся за чувствительность.... Таково мнѣніе древнихъ и новыхъ физиономистовъ. «

— » *Пунктъ пятый*.... Глаза Лизаньки неизъясно превосходны: они не велики.... «

— » У Венеры были по-же маленькіе глаза: покрайней мѣрѣ я читала это у безсмертнаго Винкельмана.... Однако-жъ извольте продолжайте. «

— » Они не велики, но такъ вяпно выражають ея свѣтлыя мысли и огонь ея священныхъ чувствъ.... «

— » Прекрасно!... Прекрасно!... Я помню, что у Бюффона есть почтенная эпоха — период. «

— » И огонь священных ее чувств, что дивный, упоительный воспоргъ невольно объемлетъ всю душу, когда любуеться ими... Они черны, съ какимъ-то прелестнымъ желтоватымъ опсвѣтомъ и смотрятъ такъ хорошо, что на нихъ можно засмотрѣться. «

— » Это, мой любезнѣйшій Владимиръ Николаевичъ, не глаза — а чудо! Прочтите только физиономическія наблюденія Неаполитанца Порпа; прочтите знаменитыя творенія Роберта Младшаго — и вы увидите, что я вамъ говорю правду... Досадно, что вы не замѣтили разрыва глазъ; но довольно и того, что вы сказали... Перейдемъ къ шестому пункту. «

— » Пунктъ шестой... Рѣдко можно найти подобныя уста: какая свѣжесть, какой абрисъ, какая пропорція! Они такія полненькія!... такія хорошенькія! и если-бы я любилъ Лизу хотя не много меньше, если-бы сердечное мое чувство не было-бы возвышенно и чисто до самой превосходной степени, то быть можетъ, что во мнѣ родилось-бы земное желаніе прикоснуться къ нимъ своими устами! «

— » Довольно!... Довольно!... Не лъзя желать ничего лучшаго; впрочемъ я говорю объ устахъ, а не о поцѣлуяхъ. «

— » Пунктъ седьмой... Уши соразмерной величины и ни сколько не покрыты пухомъ. «

— » Очень радъ!... Этимъ вы успокойте меня на счетъ будущаго состоянія вашего лаба. «

— » Пунктъ осьмый и послѣдній... Кругленькій, миленькій ея подбородокъ принадлежитъ къ числу перпендикулярныхъ. «

— » Еще разъ поздравляю васъ: да это, сударь, кладъ—а не дѣвушка!... Какъ можно соединять въ себѣ всѣ возможныя совершенства... Знаете ли, что намъ почти не зачѣмъ теперь обращаться къ Папагномин. Замѣчанія ваши, которыя вы мнѣ сей часъ прочли, не позволяютъ уже предполагать въ Лизѣ ничего, кромѣ изящнаго. Однако-жь не дурно, если вы скажете нѣсколько словъ объ ея походкѣ. Это вещь очень важная! Не даромъ-же Демосеенъ повпорялъ многимъ и нѣсколько разъ, что говорилъ дерзко и ходилъ прыпко — одно и по-же.

— » Походка Лизы плавна, легка, и какъ-то особенно пріятна; но она

любитъ бѣгать, скакать, танцовать. «

— » Это бездѣлица!... Это совершенно ничего не значить!... Веселый характеръ, молодость — и только! Тутъ главное дѣло плавность и пріятность, и конечно великій Демосеенъ охуждалъ въ Никоболоу совершенно прошивныя качества... Признаться сказать, Владиміръ Николаевичъ, нашли-же вы сокровище!... Но расскажите-ка мнѣ о своихъ успѣхахъ, если только хотите удостоить меня полной своей довѣренности. Напримѣръ, замѣчена-ли ваша любовь? отвѣчаютъ-ли вамъ на нее?... А? «

— » Можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что меня любятъ. «

— » Что шутъ за ошибки!... Я увѣренъ, что вы любите другъ дру-

га. Приискивайте-ка себѣ по скорѣе мѣсто.... Пишите къ своему баптионку, а тамъ веселымъ ширкомъ да и за свадебку, какъ говорили наши предки. Я самъ улажу всё дѣло.... Попомъ, когда вы женишесь, мы прибѣгнемъ къ швореніямъ того-же Роберта Младшаго, о которомъ я недавно упоминалъ, и вмѣстѣ съ вами займемся его Мегаланпропогенезією, по еспль изученіемъ средствъ рождашь великихъ людей — и послѣ приведемъ ихъ въ исполненіе.»

— » Очень благодаренъ, почтеннѣйшій Иванъ Федоровичъ; но нельзя-ли вамъ располковать мнѣ эплъ средствъ прежде моей свадебки, чпо-бы ужъ послѣ не было для васъ никакого безпокойства. «

— » Извольте!... Какъ вамъ угодно! Эпо не сдѣлаешь для меня никакой

разницы!... Однако-жъ пойдѣмте, чпо-бы не обратили на себя вниманія. «

Онъ вспалъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, опять взявъ Вольдемара за руку и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ залу.

Послѣ чепырехъ шуровъ карпы были оспавлены.... Ихъ замѣнила самая веселая, самая дружеская беседа. Анекдоты сыпались за анекдотами. Всѣхъ больше, всѣхъ лучше и всѣхъ занимательнѣе рассказывалъ Лейпенаппъ Поръчной. Онъ говорилъ послѣ каждаго и обыкновенно, вмѣсто предисловія, произноситъ слова: » Нѣтъ! это чпо за анекдотъ, а воптъ анекдотъ!... « Разумѣется, эпо была одна шупка, копорая впрочемъ очень заинтересовывала слушателей. Такимъ образомъ вечеръ промчался не примѣтно.

Послѣ ужина одинъ изъ гостей по-
смопрѣлъ на часы, взялъ шляпу и
сказалъ весьма торжественно начало
какой-то старинной Французской ска-
зки. » Пыть ипаконъ компаніи, которая-
бы не расходилась, говорилъ Царь Да-
гоберпъ, а попому и намъ пора от-
правляпсья во свояси.... Прощайпе,
Никипа Цепровичъ! «

— » Пыть! это что за анекдотъ—
а вопъ анекдотъ! « закричалъ Порѣч-
ный подвязывая свой корпикъ. » Одна
здѣшняя пансіонерка писала при на-
ступленіи каникулъ въ деревню къ
своей мапері: Дражайшая маминька!
всѣ мои подруги разъѣхались; я ску-
чаю одна въ пансіонѣ: позволъпе и
миѣ разъѣхатсья!... А вы, Никипа Це-
провичъ, позволъпе намъ. Спасибо за
вечерокъ!... Пріѣзжайпе-ка поскорѣ
въ нашу спорону. Господа! милости

просимъ въ Коломню.... Но что оп-
кладывапъ—то хуже! Я ожидаю васъ
завтра: это будетъ ровно за полго-
да до моихъ именинъ.... « Всѣ дали
слово и каждый разъѣхался куда ему
слѣдовало.

Комедія кончилась — вы
можете разойтись.

Демонаксъ, Философъ
Критскій.

ГЛАВА XIII.

ОРЕСТЬ И ПИЛЛАДЪ.

Съ какимъ восторгомъ я воображаю будущее!... Мои дѣти улыбаются мнѣ, рѣваясь на моихъ рукахъ: я поддерживаю ихъ непервдые шаги.

Гесснеръ.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, Вольдемаръ отправился къ Генералу Пупову.

— '» Дома-ли Его Превосходительство? « спросилъ онъ у Швейцара.— Дома, но' сейчасъ изволятъ отправляться.

Не смотря на слабые и больные свои ноги, Поэпъ поспѣшилъ взбѣжать на лестницу.... Вдругъ передъ нимъ засіяла звезда.... Не зная лично Пупова, онъ обратился съ вопросомъ къ какому-то чиновнику, который шелъ за Генераломъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ спалъ догонять послѣдняго, нечаянно наступилъ ему на шинель и разперлся совершенно.

— » Чпо вамъ угодно? « произнесъ Генералъ совсѣмъ недружескимъ тономъ.

— » Виноватъ, Ваше Превосходительство!... Чессть имѣю рекомендо-

вапсья Вашему Превосходительству....
Я... Ваше Превосходительство.... при-
шелъ къ Вашему Превосходительству.... «

— » Вижу, сударь, что вы пришли,
но кто вы такой? «

— » Я, Ваше Превосходительство,
сынъ Николая Ивановича Смолянова. «

— » А! Владиміръ!... Я ждалъ те-
бя давно!... Очень радъ, что ты на-
вѣспилъ меня; жаль только, что не-
много поздно.... Впрочемъ я еще ус-
пѣю (прибавилъ онъ подумавши)....
Пойдемъ! пойдемъ, брапецъ, ко мнѣ. «

Въ залъ, въ которую вошли они,
было еще около десяти чиновниковъ,
являвшихся по дѣламъ службы.

— » Ну какъ ты поживаешь, мой
другъ? « (продолжалъ Генералъ входя
въ гостиную.) — Довольно хорошо,

Ваше Превосходительство. — » Мало!...
надобно жить очень хорошо.... Ко мнѣ
пишешь твоей опецъ, чтобы я сна-
бдилъ тебя деньгами.... Сколько-жъ
тебѣ надобно? «—Мнѣ необходимы пол-
торы тысячи рублей. — » Изволь, съ
большимъ удовольствіемъ.... Садись-ка
вонъ сюда, и напиши къ опцу въ
двухъ спрочкахъ, что ты получилъ
опъ меня эту сумму.... А вонъ тебѣ
и деньги. «

Ободренный ласкою и обрадованный
своимъ богатствомъ, Вольдемаръ кон-
чилъ всё въ двѣ минуты — и разсы-
пался въ благодарноспяхъ.

— » Если хочешь, служи у меня; я
тебѣ дамъ на первый разъ 750 руб-
лей жалованья, а тамъ можно и при-
бавить смотря по твоей работѣ. «—
Я почту себя за особенное счастье
служить подъ начальствомъ Вашего

Превосходительства.—»Тѣмъ лучше!... Теперь прощай! мнѣ некогда... Я отдаю въ четыре часа: приходи когда тебѣ вздумается... До свиданія! α

Когда Вольдемаръ вышелъ на улицу, онъ не слышалъ подъ собой земли; онъ позабылъ, что у него болятъ ноги, и вопреки наставленію великаго Демосцена, шёлъ очень прыпко. Накупивъ разныхъ галантерейныхъ вещицъ, разумѣется *самыхъ необходимыхъ*, онъ завернулъ къ лучшему портному, заказавъ лучшую пару плаща, прекрасную модную шинель и нашель, что у него за всѣми расходами оспанелся слишкомъ восемь сотъ рублей.

Ему казалось, что состояніе его обеспечено и онъ, будучи чрезвычайно доволенъ своею наспоющею участью,

погрузился въ самыя сладостныя мечты о будущемъ.

Милая жена, по естъ Лиза!... дѣпи, хорошенькія какъ купидончики!... Боже мой! какъ это весело!... Съ какою радостію будетъ онъ возвращаться домой опть своей должності!... Съ какою горячностію обниметъ онъ свою Лизаньку... А дѣпи-по!... Проказники, право!... Одинъ обвивается вокругъ шен; другой пьянетъ его за фалду, а милашка дочь играетъ его орденскимъ креспомъ. (Ужъ погда вѣрно онъ будетъ имѣть его). Показывая такимъ образомъ самому себѣ самыя увлекапельныя картины, онъ прогуливался по Невскому проспекту, успалъ, когда вспомнилъ, что онъ идетъ пѣшкомъ, и зашелъ въ кондитерскую.

Въ угловой комнатѣ, между другими посѣпителями, обратили на себя

его вниманіе два молодыхъ чловѣка, разговаривавшихъ о чемъ-то въ полголоса. Одинъ изъ нихъ былъ верпкій, понефькій и маленький; другой еще поньше, нѣсколько повыше и бѣль до нѣльзя... Лицо перваго было очень благообразно; лицо втораго было подвижное и вѣчно улыбающееся. Сѣрые глаза свѣплѣли у обоихъ. Сидя подлѣ, Вольдемаръ могъ разслушать большую половину разговора и попому нѣхотя узнать, что они Сибиряки, что они Коллежскіе Секретари, что имъ дадутъ льпомъ чины Типулярныхъ Сувѣнниковъ и что, наконецъ, зимнимъ пупѣмъ они поѣдутъ назадъ въ Сибирь, но уже Шпаб-офицерами.

Желая познакомиться со своими земляками, герой нашъ обратился къ *маленькому*, которьй былъ возлѣ него.

» Извините меня, что я васъ обезпокою своимъ вопросомъ: вы кажетесь изъ Сибири? «—Точно такъ! опвѣчалъ *маленькой*; а вамъ вѣрно знакома эта спорона? «—Какъ-же! я шамъ родился. «—Ваша фамилія? «—Смоляновъ. «—Боже мой! неужели вы сынъ Николая Ивановича, нашего почтеннѣйшаго Начальника.—» Это мой бапюшка. «—Скажите пожалуйста!... Вотъ пріятнѣйшій случай!... То-то я смопрю, что ваше лицо мнѣ чрезвычайно знакомо... Вы удивительно какъ похожи на вашу сестрицу, а ваша сестрица удивительно какъ хороша собою!

Тутъ, не дожидаясь никакого опвѣта, оба незнакомца подошли къ Смолянову.

— » Позвольте намъ имѣть честь познакомиться съ вами. «

— » Помилуйте, Господа!... Мне очень приятно! «

За сим слѣдовали объясненія, поклонны и дружескія пожатія рукъ. Потомъ начались разспросы и рассказы: гдѣ живёте вы; гдѣ вы изволили кварпировать; долго-ли пробудете въ Пешербургѣ, или останетесь въ немъ служить, и такъ далѣе... Всё это кончилось тѣмъ, что два Коллежскихъ Секретаря увлекли къ себѣ Губерискаго откушать, что Богъ послалъ, по ихъ выраженію.

Очень не мѣшаетъ сказать, что изъ двухъ Коллежскихъ Секретарей, маленькаго и благообразнаго звали Ивановъ Дмипріевичемъ Арскимъ, а восковаго и вѣчно улыбающаго Васильемъ Пешпротичемъ Бѣльскимъ... Я починаю также непремѣннымъ для се-

бя долгомъ упомянуть, что сей послѣдній имѣлъ очень занимательность.

Это былъ косвенноусѣченный съ одного конца эллипсисъ, полциною въ сорокакопѣечный переплетъ какой нибудь граммапки, или крапкаго землописанія; только двѣ большихъ ноздри разширялись въ родѣ сегментовъ и сквозили до такой степени, что въ нихъ всегда было видно, говоря словами одной анакреонтической пѣсни:

» Какъ сквозь жилки голубья

» Льетъ розовая кровь.

У маленькаго была довольно плавная походка съ пришаркиваніемъ, которое, какъ вы знаете, такъ необходимо для всякаго порядочнаго человека. Въ приемахъ Арскаго видна была ловкость и непринужденность.

Восковий чловѣчикъ ходилъ на цыпочкахъ съ опрыვისстой прискачкой и кланялся такимъ образомъ, что оконечности его носа, вздернушаго къверху и выдавашагося впередъ подбородка, и вѣчно согнутыхъ коленъ, касались одной и той-же прямой линіи, перпендикулярной къ поверхности земнаго шара; всѣ-же прочія части тѣла по возможности выдавались назадъ. Однимъ словомъ, эпо было существо, которое давало всѣ удобства проходивъ по себѣ не только просную, но даже сферическую Геометрію: сполно только заспавлялъ его кланяшся, любезничалъ, ходилъ, лежалъ, садилъся — и наблюдательный взоръ вѣрно опыскалъ-бы въ немъ всѣ линіи, площади и тѣла.... Казалось, что природа хотѣла осуществивъ въ немъ всю высшую часть Математики.

— » Опъ чего-жъ эпо вы не изволили рѣшались вханы къ намъ? Здѣшняя служба будетъ для васъ очень приудна, Владиміръ Николаевичъ! « сказала *восковий* по приходѣ на кварпиру.

— » Какъ бытъ!... За то будетъ хорошо, когда привыкну. « — Конечно такъ! я съ вами совершенно согласенъ! только воля ваша, что вы не говорите, а все какъ-то лучше живите подъ крыльшкомъ. Вы-бы получали хорошее жалованье и жили-бы себѣ прииваючи. « — Цытъ, Василій Пепровичъ, мой бапюшка нишеть мнѣ совсемъ другое: онъ говоритъ, что именно-то съ меня и будетъ взыскивать какъ можно спроеже. « — Полнопе пожалуйста!... онъ шупиптъ!... Ужъ мы знаемъ его вдоль и поперегъ; да воптъ хотъ спросите у Ивана Дмипріевича:

онъ у Николая Ивановича человекъ домашній.

— » Конечно, Николай Ивановичъ очень добръ, очень снисходительнъ, но захочетъ-ли самъ Владиміръ Николаевичъ перяпть понапрасно время? «

— » Помилуйте! « подхватилъ *восковой*, « да кто вамъ говоритъ о потерѣ времени? ... И развѣ нѣтъ никакихъ занятій, кромѣ нашихъ скучныхъ дѣлъ? ... Я увѣренъ, что съ такимъ умомъ, съ такими способностями, съ такимъ образованіемъ, Владиміръ Николаевичъ не попрашитъ даромъ ни одной минуты. «

— » Это лезть, Василій Пепровичъ, потому что вы хвалите меня въ глаза, не зная обо мнѣ ничего совершенно. «

— » Кто? ... я льщу? ... Полноте скромничать! ... Неужели вы думаете,

что ужъ эпаго никакъ не лзя замѣпить съ перваго-же взгляда? ... Спросите-ка у Ивана Дмитриевича и онъ вѣрно подтвердитъ вамъ мои слова! «

— » Чпобы и меня въ мою очередь не назвали льспецомъ, мнѣ приходиться опмолчаться; но внупренно я рѣшительно согласенъ съ Василемъ Пепровичемъ. «

— » Вотъ видите-ли! ... А вы ужъ попчасъ и за подозрѣнія! Нѣтъ, сударь! ... Я человекъ прямой, и говорю всегда то, что чувствую.... Если вы не вѣрите, такъ спросите Ивана Дмитриевича. «

— » О! на эпопть счетъ я смѣло могу ручаться за моего поварща. «

— » Скажите-жъ намъ, чѣмъ вы

особенно любите заниматься: вѣрно книгами?... липературой?»

— » Вы угадали! «

— » Смѣшно-жь не угадашь!... Вы такъ и смоприете писателемъ. Вотъ спросите хопь у Ивана Дмипріевича.

— » Точно, Владиміръ Николаевичъ! въ васъ есть какая-то счастливая особенность: эпа блѣдность, копорая такъ идетъ къ вамъ; эпи блестящіе глаза; эпа помность и эпа пріятная небрежность одежды, — все эпо вмѣстѣ даетъ вамъ очень инпересный видъ. «

— » Вотъ видите-ли! «

— » Да вы, господа, сведѣте меня съума своими похвалами. «

— » Перестаньте!... Неспыдно-ли вамъ!... И развѣ вы не любите правды?... Но скажите пожалуйста, что

вы избрали: прозу или поэзію и какой именно родъ?»

— » Я пишу стихами, однакожь по сію пору не предпочелъ еще никакого рода исключительно. «

— » Ну будь я не я, если мнѣ не удалось чипапъ вашихъ превосходныхъ сочиненій! «

— » Не можетъ быть, Василій Петровичъ: я не печатаю и даже ни кому не показываю своихъ стиховъ. Вы ошибаетесь!... Развѣ только не выдали-ли вы моей Оды къ *Человѣку*, съ копорой я далъ кое-кому два или три списка. «

— » Вотъ по-по-же! а спорите!... Если вамъ хочется знать, какъ я восхищался эпой одой, такъ спросите вотъ у Ивана Дмипріевича.... Особенно мнѣ понравился приступъ.... Какъ

бишь онъ начинается?... Ахъ, какая проклятая память!... «

» Сосудъ нечистой и преступный
» Для влаги чистой и святой! «

— » Точно! почно!

» Сосудъ нечистый и преступный
» Для влаги чистой и святой!

» Какъ это удалось вамъ соединить игру словъ и богатую, высокую, неподражаемую мысль.... *святой* — *преступный*, *чистой*—*нечистый*!... Ей Богу прелестно!... Хотите кому-бы написать — такъ впору!... Уже вы вѣрно одолжите меня и позволите списать, чтобы выучить на память? «

— » Да это не стоить труда списывать! «

— » Побойтись Бога, что вы говорите!... Какъ вамъ можно судить о

собственныхъ своихъ произведеній?... Предоставьте это другимъ! «

Во время обѣда и съ часъ послѣ него разговоръ продолжался въ подобномъ родѣ. Два хозяина, одинъ передъ другимъ опличались угожденіями и предупредительностію. Они, казалось, были такъ опкременны со своимъ господемъ, такъ полюбили его, что эподъ гостъ былъ внѣ себя отъ радости и сказалъ имъ:

» Господа! сегодняшній день я опмѣчу и въ дневникѣ, и на сердцѣ однимъ изъ счастливейшихъ въ моей жизни. «

Объятія возобновились и кончились. Попомъ новый Ореспъ и новый Пилладъ спали склонявъ Вольдемара въхатъ вмѣстѣ съ ними въ Сибирь. Все убѣжденія были напрасны; наконецъ Арскій хотѣлъ пронуть его за самую

живую спруну для всѣхъ молодыхъ людей, и спалъ говориль о женщинахъ и любви.

— » Если-бы вы знали, какія естъ у насъ дѣвушки... особенно одна... это чудо!... Да вопъ вамъ свидѣтель: спросите у Василья Пепровича... Я ручаюсь головой, что вы вѣрно влюбитесь въ нее. «

— » Не ручайтесь, Иванъ Дмипріевичъ!... Вы прозакладуете! «

— » Развѣ полъко въ одномъ случаѣ, ежели вы уже влюблены... Ага, милоспивый государь!... вы покраснѣли!... Такъ вопъ опъ чего вамъ не хочется оспавить Петербурга... Теперь мы понимаемъ-съ... Какъ-бы я желалъ видѣть предметъ вашей любви: онъ долженъ бытъ очарователенъ! «

— » Если ужъ, господа, дѣло пошло на опкровенность, то я вамъ скажу, что дѣвушка, которую я люблю, которую я буду любить до моей смерти, выше всякаго описанія: ее непременно надобно видѣть, чтобы поспичъ ея красоту. «

— » Спало бытъ я довольно хорошо узналъ вашу красоту. «

— » А какъ ея фамилія?... « прибавилъ *восковый* пакимы пономъ, какъ будто онъ спросилъ опъ нечего дѣлать: А какъ зовутъ жену Кипайскаго Императора.

— » Какъ ея фамилія?... Но за чѣмъ вамъ знать ея фамилію? «

— » Я спросилъ васъ, ей Богу! изъ одного участія; впрочемъ если это секретъ—такъ и не говорите пожалуйста. «

— » Напротивъ!... Теперь-то я и скажу для доказательства, что у меня нѣтъ отъ васъ ничего пайнаго: ее зовутъ Елизаветой Егоровной Буклиной... Однако-жь, господа, вѣдь это между нами? «

— » Разумѣется!... и вы можете сомнѣваться? «

Попомъ эти любезнѣйшіе Коллежскіе Секретари отъ общаго перешли къ подробностямъ, и схватывая слово по слову, они узнали все до послѣдней нитки.

Вольдемаръ былъ въ восторгѣ: онъ нашелъ людей, которые принимаютъ въ немъ участіе, понимаютъ его и слушаютъ очень охотно: онъ могъ наговориться до сыпа о своей Лизанькѣ... Конечно и Зоровъ очень добръ, очень его любитъ и по-же полкушетъ

съ нимъ о его брюнечкѣ, но какая разница!... Здѣсь ловятъ на ленту каждое его выраженіе, опгадываютъ каждую мысль, а памъ онъ долженъ слушать цыпапы изъ безсмертныхъ твореній безсмертнаго Неаполитанца Порпа и разсуждать о знаменитой Мегаланпропозенезин знаменитаго Роберта Младшаго!

Время до чая сократилось въ полчаса, такъ оно было пріятно!

— » Хороши-же мы съ побоею! « сказалъ Арскій своему поварицу: » мы и позабыли сообщить Владиміру Николаевичу пріятнѣйшую новость... Понимаешь? «

— » Боже мой!... Какъ не понять! Знаете-ли, кто приѣхалъ вчера въ Петербургъ? «

— » Какъ-же мнѣ знать? «

— » Вашъ дядюшка Яковъ Афанасьевичъ Сашинъ. «

— » Что вы говорите?... Гдѣ-жъ онъ оспановился?

— » Ахъ, какъ жаль, что я немогу разсказать вамъ его кварпиры; но заѣжайте къ намъ завтра утромъ часу въ десятомъ, — и я поѣду вмѣстѣ съ вами. «

— » Не лъзя-ли теперь? «

— » Досадно, очень досадно, что мы должны вамъ опказать по одной особенно важной причинѣ; но сегодняшний вечеръ не сдѣлаеть большаго расчета. «

— » Покрайней мѣрѣ не дальше завтрашняго дня? «

— » Непременно! «

Вольдемаръ распростился съ ними и поѣхалъ къ Порѣчному. Я не спану говорить моимъ чинапелямъ, что ве-

черъ проведенъ былъ чрезвычайно весело: былъ у Порѣчнаго и скупапъ, значить былъ вдругъ и сыпу и голодну.... Госпи разѣбхались за-полночь, однако-жъ Вольдемаръ успѣлъ еще написать въ своемъ дневникѣ слѣдующія спроки.

» Опять цѣлый день счастья и радости!... Удивительно, какъ сердце мое можетъ выносить сполько сильныхъ ощущений!... Изъ крайности я перешелъ сегодня въ довольство; мнѣ предложено хорошее мѣсто; я нашелъ вдругъ двухъ добрыхъ, искреннихъ друзей; а въ любви моей прелесной Лизы я почти не сомнѣваюсь. Чего же не доспаеть мнѣ?... Я счастливъ теперь и что еще ожидаетъ меня? Одни удовольствія и наслаждения! «

Онъ легъ — и послѣдними мечтами его были деньги и Лиза.... мѣ-

спо и Лиза.... друзья и Лиза.... по-
помь одна только Лиза и Лиза....
наконецъ онъ уснулъ и все таки ви-
дѣлъ.... Лизу!

Высочайшее благо смерт-
ныхъ — есть любовь.

ФЕРРЕ.

ГЛАВА XIV.

МЕНТОРЪ И ТЕЛЕМАХЪ.

Въ наше время друзья похо-
жи на дыни: изъ полсотни на-
силу выберешь одну хорошую.

МЕРМЕ.

Проснувшись на другой день рано
упромъ, Вольдемаръ рѣшился на дѣло
почти неслыханное въ исторiяхъ *пла-*

менной любви... Очень не мудро, что все прелестныя чипапельницы и все добрые мои чипапели, возстануть пропивъ него; назовутъ безчувственнымъ, жеспокимъ, припворщикомъ, а какой-нибудь Рипорикъ, смертный охотникъ до фигуры уподобленія, скажутъ мнѣ на-прямки: вашъ герой носилъ въ груди своей карманной погребокъ.... Все это очень легко можетъ случиться со стороны чипающихъ; но все это будетъ вопиющая несправедливость.

Молодой Смоляновъ имѣлъ чувствительное, мягкое, пламенное сердце; онъ спрашно любилъ свою Лизу; но онъ былъ Поэтъ, а Поэты бываютъ иногда очень спранны. Такъ и съ нимъ!...

Проснувшись поутру въ понедѣльникъ, онъ началъ думать, думать и

придумать наконецъ не видавъ очаровательной своей бронежки цѣлыхъ при дни. Надобно сказать впрочемъ, что тупъ входили въ расчетъ очень важныя вещи.

Во первыхъ: *лучшій* его порпной далъ честное слово непременно къ упру чепверга приговорить ему *лучшую* пару плащя и прекрасную модную шинель; выходить, что въ попу день онъ могъ явиться къ обѣду у Буклиныхъ въ самомъ блистательномъ видѣ, а въ этомъ предполагался чрезвычайно приятный сюрпризъ.... *Разъ* — причина!

Во вторыхъ онъ думалъ весьма основательно, что не показываясь Лизѣ при дни сряду, онъ узнаетъ и опредѣлитъ съ математическою точностью, до какой именно степени она

его любить, потому что у невинной и просердечной дѣвушки въ четырнадцать лѣтъ, самая завѣтная, сердечная тайна пошчасъ-же можетъ быть видна какъ на ладонѣ. Вольдемару сполно только быть попомъ какъ можно внимательнѣе при первомъ свиданіи и пристально замѣчать какъ его примутъ: по прежнему-ли, или съ холодностію, или наконецъ покраснѣвши и съ эпою очаровательною грустью, которая попомъ разольется въ самыхъ нѣжныхъ упрекахъ... Въ одномъ случаѣ это будетъ значить, что его любятъ, но что этакъ-же любятъ и многихъ; въ другомъ, самая холодность приѣма, есть уже очень хороший признакъ: опущеніе милаго брата замѣчено еще въ первый день; во второй и въ третій спали на него сердиться... О, его любятъ предпо-

читительно передъ многими!... Въ оспальномъ случаѣ на него не могли и сердиться: строго размапривали собственныя свои поступки; боялись, что, можетъ быть, огорчили его чѣмъ нибудь; сами на себя ввели напраслину, раскаявались не зная въ чемъ, грустили и плакали... Тутъ не остается никакого сомнѣнія, что его любятъ предпочтительно передъ всѣми!... Таковы могли быть послѣдствія рѣшимости Вольдемара не посѣщать Буклиныхъ до четверга: онъ, какъ вы видите, могъ узнать многое... *Да* — причина!

Въ прѣпыхъ, у него было въ виду еще одно обстоятельство: онъ наслаждался до безконечности, когда видѣлъ ежедневно свою хорошенькую, миленькую Лизаньку, и хотѣлъ узнать, до какой почки можетъ возвыситься

это наслаждение, если онъ не увидитъ ее цѣлыхъ при дни сряду. Однимъ словомъ, онъ вздумалъ энциурействовать, по еспь увеличивашъ свое счастье нѣкоторыми значительными лишениями... Три — причина!... Стало быть на каждый день по одной. Воля ваша! а этого черезъ чуръ доспа-точно.

Но если мои чипапелы и теперь не переменятъ своего мнѣнія о моемъ героѣ, по мнѣ оспаеися напомнить имъ еще разъ, что онъ Поэпъ, что онъ былъ тогда молодой человекъ двадцати лѣтъ, неопытенъ какъ ребенокъ, чрезвычайно доврчивъ къ другимъ по проспонтъ сердца и, грѣхъ унаишь подобное пропиводрѣче, доврчивъ къ самому себѣ, по человеческой гордо-спы.

Предполагая наконецъ, что всѣ из-

винили моего родспвенника — я спокойно продолжаю свое повѣспивованіе.

Прошло десять часовъ — и Вольдемаръ опсправился къ новымъ своимъ друзьямъ.

— » Не сердитесь-ли вы на меня Василий Пепровичъ, я что вамъ немощко задержалъ? «

— » Помилуйте!... Какъ вамъ не грѣхъ!... Если я и досадывалъ, пакъ только опъ того, что долго не видалъ васъ: вопъ хопъ спросите у Ивана Дмипріевича.... Однако-жъ намъ нечего мѣшкапъ: вашъ дядюшка вспаепъ въ шеспомъ часу — и мы придемъ какъ разъ къ завпраку: онъ это очень любитъ! «

Удивительная пшшина царспивовала въ большихъ покояхъ, копорые зани-

малъ Сапинъ. Лакеи ходили на цыпочкахъ по разоспаннымъ коврикамъ: только изрѣдка, изъ дальняго кабинета, раздавались глухіе звуки сухаго кашля. Казалось, что даже и шумный гулъ сполчнаго движенія не смѣлъ приближаться къ этой обители спокойствія: онъ слышиль какъ опдаленная буря.

Когда Вольдемаръ переступилъ порогъ, его обдало сперва кипячкомъ, потомъ какъ будто облѣпило снѣгомъ; онъ вздрогнулъ; сердце его, какъ говорится, ёкнуло; холодный потъ выпунилъ на лбу; онъ никакъ не могъ понять причину своего страха; хотѣлъ было опыскивать ее; но объ нихъ доложили — и слуга раскрылъ дверь. Такимъ образомъ онъ опправился не оправившись.

— » Ахъ, бапюшки мои!... шебя-ли

я вижу, любезный Владиміръ?... Поди, поди, брагъ, ко мнѣ поскорѣе и обними спарика, копорый шебя душевно любитъ. «

Между тѣмъ, какъ они заключаютъ другъ друга въ родспвенныя объятія, отъ копорыхъ храбрый Вольдемаръ нѣхотя пришелъ въ себя, я успѣю на скорую руку предупредить всѣхъ, что добрый его дядошка, копорый (между нами будь сказано) говоритъ очень и очень пропжно, былъ уже предупрежденъ Бѣльскимъ обо всемъ и зналъ на счесть Вольдемара всю подноготную. Сгоряча вы, можетъ быть, назовете это измѣною, предательствомъ, поспункомъ самымъ низкимъ и чернымъ; можетъ быть, что я и соглашусь съ вами внутренно; но почтеннѣйшій мой Василій Пепровичъ или думаетъ объ этомъ совершенно

иначе, или проспю ничего не думалъ и только слѣдовалъ какому-то непреодолимому, врожденному влеченію.... Предполагаю впрочемъ навѣрняка, что въ подобныхъ пересказахъ онъ находилъ какое-то особенное удовольствіе и что даже считалъ священнымъ долгомъ передать тайну дружбы—почетливости родства.

Бѣльскій уѣхалъ поспчасъ послѣ завтрака: онъ поропился къ должности. Дядя и племянникъ оспались на единѣ.

— » Садись — ка ко мнѣ поближе, любезный мой племянничекъ, и поговори со спарикомъ откровенно на счётъ твоихъ плановъ и намѣреній: умъ хорошо, говоришь пословица, а два и того лучше.... Подумаемъ, пообсудимъ вмѣстѣ; авось и моя опытность будетъ тебѣ полезна. «

— » Я очень радъ, дядюшка, что имѣю случай воспользоваться вашими совѣтами; что-же касается до моей откровенности, то вы можете быть въ ней рѣшительно увѣрены. «

— » Дай Богъ, чтобъ это было справедливо: мы посмотримъ. Начнемъ съ того, что у тебѣ нѣтъ ни какого состоянія, и что тебѣ надобно служить и служить очень ревностно, чтобы выслужить себя кусокъ хлѣба. Иному, другъ мой, это достаётся даромъ; но спуть необходимы спешки и дядюшки, только совсѣмъ не такіе, какъ я съ моею спарухой.... Ты долженъ работать и работать такъ, чтобы труды твои были замѣчены и оцѣнены.... Правда, сперва ты спскучаешь, а потомъ спвянешься и не захочешь отспать....

Ну, что-жь?... Согласенъ-ли ты въ этомъ отношеніи со спарикомъ?»

— »Какъ нельзя болѣе, дядюшка!... Мои мысли совершенно одинаковы съ вашими.«

— »И прекрасно!... Теперь поспри- дись разсказать мнѣ, гдѣ именно ты намѣренъ служить?»

— »Сначала я предполагалъ было отправиться въ Сибирь, чпобы нахо- диться при батюшкѣ; но потомъ еди- ногласный совѣтъ всѣхъ моихъ зна- комыхъ, перемѣнилъ мое намѣреніе. Всѣ они говорятъ мнѣ одно и поже, что эпа поѣздка не принесетъ мнѣ никакой пользы и что служба по Минисперству несравненно почепнѣе и выгоднѣе для будущаго, нежели слу- жба въ Сибири.«

— »Все это такъ, любезный Вла- диміръ; но послушай безприсраспно

спарика, котораго, когда онъ былъ молодъ, слушали спарики. Я ужъ и не говорю, какъ-бы ты обрадовалъ своего отца, прѣхавши къ нему послѣ долгой разлуки; не спану напоминашь тебѣ, что онъ спаръ и дряхль; что, можешь быть, чужая рука скоро за- кроетъ ему глаза, и что ты въ од- номъ безчувственномъ, нѣмомъ письмѣ получишь его послѣднее благословеніе, и по если смертная болѣзнь не опниметъ у него силы призвашь на тебя покровительство небесное; я умолчу объ этомъ, поному что ты, какъ добрый сынъ, долженъ по- мнить самъ подобныя вещи; самъ дол- женъ спараться, чпобы въ эпи не- многіе, оспальные дни жизни твоего родителя, могъ-бы ты услышать его своимъ присупствіемъ, своею заботли- востью и любовью....«

— » Ахъ! не говорите!... не продолжайте, дядюшка!... Я ѣду!... я ѣду сегодня... завтра... когда вамъ угодно! (восклицалъ Вольдемаръ опирая слезы). Я ѣду... только ради Бога, не ужасайте меня близкой кончиной моего бапюшки!... Я готовъ оставить все; но я исполню сыновнюю обязанность!... «

Дядя прослезился самъ; вспалъ, обнялъ Вольдемара и прибавилъ тихимъ, дребежжающимъ голосомъ.

— » Милый другъ! Я умѣю оценить твою рѣшимость; ты добрый и примѣрный сынъ: Богъ увидитъ твои слезы и наградитъ тебя за нихъ. «

Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ царствовало совершенное молчаніе.

Только попъ, чье сердце было ко-

гда нибудь согрѣваемо первою, чистую возвышенною любовью; кого радовали сладкія надежды на счастье; кого лелеяли волшебныя мечпы о взаимности; — только попъ можетъ представить себѣ полную и вѣрную картину борьбы, которая кипѣла тогда въ душѣ Поэта... Онъ невольно содрогался при мысли, что ему должно будетъ не видавша съ ненаглядною Лизою... Онъ напрягалъ все силы души и все не могъ постигнуть, какъ онъ спанетъ существовать безъ неѣ; какъ онъ не услышитъ ея очаровательнаго голоса, не увидитъ ея пленительнаго лица цѣлыя недѣли, мѣсяцы, годы... не увидитъ, можетъ быть, цѣлую вѣчность... Цѣлую вѣчность!... Нѣтъ! это невыносимо!...

Нѣсколько разъ порывался онъ взять назадъ свое слово, но въ по-же время

священный голос природы твердилъ о другомъ.

Онъ напоминалъ ему неусыпныя заботы отца о его младенчествѣ, нежную любовь къ нему добраго старца; его великодушныя пожертвованія; его сѣдины; близость гроба; эпопей потухающій взоръ умирающаго, копорый, въ какомъ-то пнягоспномъ полузабытїи будетъ искать кого-то, и не найдетъ кому передать послѣднїй взглядъ любви; наконецъ эту чуждую руку, которая равнодушно скрестилась на оледенѣвшей груди изсохшїа и недвижныя руки... Такія картины будущаго были ужасны!

Въ то-же самое время юное, пылокое сердце его говорило ему: » Я буду всегда любить твою Лизу, но я не могу быть неблагодарнымъ.... « И онъ

невольно уступалъ передъ собственною, благородною рѣшимостью; онъ сжималъ руку своего дяди; онъ плакалъ, какъ плачущь пѣ, у которыхъ опняпо все... все, кромѣ жизни и способности чувствоватъ свои несчастья!... Вдругъ слезы его остановились; какая-то радостная мысль застѣмляла въ его взорахъ, и невольно проявилась въ легкой улыбкѣ.

— » Дядюшка!... Дядюшка!... « воскликнулъ воспорженный молодой человекъ; » я нашелъ средство соединить и то, и другое; я могу ѣхать въ Сибирь—и быть счастливымъ; мнѣ спонить только жениться на ней. Вы сами ускорите мое блаженство: вы можете быть сватомъ.... вы будете сватомъ.... вы непременно должны быть моимъ сватомъ.... Вы согласны?... Неправда-ли, дядюшка?... Ска-

жипе одно слово: успокойте... обра-
дуйте... осчасливите меня... У ва-
шихъ ногъ я жду вашего отвѣта!»

— » Помилуй, мой другъ!... встань!
успокойся!... Расскажи мнѣ пущѣмъ, о
комъ ты говорилъ сейчасъ; что пущѣ
за сватовство, и что пакая па, ко-
порую ты любишь?... Признаюсь, пле-
мянникъ, я ничего не понималъ изъ твои-
хъ восклицаній. «

Добрый дядя грѣшилъ пропивъ со-
вѣсти, говоря такимъ образомъ; но
онъ не хотѣлъ выставить Бѣльскаго
въ насмѣхъ свѣтѣ.

— » Ахъ!... и почто!... Я вамъ не
говорилъ объ ней ни слова... Она...
Но вы ее знаете, дядюшка... Это
дочь Анны Ивановны Буклиной. «

— » Можеть-ли это быть?... Раз-
вѣ почтенная моя спарая пріятель-

ница постоянно живеть пеперь въ
Пепербургъ?» «

— » Она воспитывается здѣсь сво-
ихъ дѣтей. «

— » Такъ вотъ что, любезный!...
Теперь я все понимаю, и если только
эпа малюшка Лиза пошла по мапери,
такъ мнѣ ни сколько не удивительно,
что она вскружила тебѣ голову... Въ
прошлое время, когда мы, спарики, бы-
ли твоихъ льпѣ, вся молодежь уви-
валась около милой Анны Ивановны...
Бывало, брапецъ, и я, не смолпя на
наше свойство... «

— » Но, дядюшка, скажите мнѣ: удо-
дно-ли будетъ вамъ замолвить за ме-
ня нѣсколько словъ?» «

— » Трудно!... очень трудно, лю-
безный мой Владиміръ, отвѣчать те-
бѣ на этогъ рѣшительный вопросъ...

Хорошо зная вашу брапью молодыхъ людей, я напередъ предугадываю весь пвои возраженія... Ты скажешь мнѣ, что для васъ довольно самихъ себя; что вы будете пренебрегать пустыми прѣбованіями свѣтскихъ приличій; что уединеніе и любовь соспавяптъ ваше счастье; что ваши желанія ограничаться кускомъ чернаго хлѣба и спаканомъ ключевой воды... Положимъ пакъ!... Все это, мой другъ, чрезвычайно хорошо, потому что умѣренность есть краеугольный камень земнаго благополучія. Но что скажешь ты не имѣя въ виду ничего, кромѣ бѣдности, что ты скажешь о будущихъ своихъ дѣпяхъ, о воспитаніи эпихъ дѣшей?... Что ты будешь говорить о безпрестанныхъ лишеніяхъ, копорымъ подвергнешь навсегда любимую и прекрасную дѣвушку; невинныхъ и

близкихъ сердцу своихъ малюпкѣ?... Какими глазами посмотришь ты на добрую мапъ своей жены, если па будетъ спрадать, видя въ какой тяжелой нуждѣ живетъ ея дочь?... Прибавлю еще одно, и чуть-ли не самое важное въ наспопщемъ случаѣ: ты молодъ—но взгляни въ зеркало!... Посмотри на свое лицо: смотри, какъ изнуренъ ты физическими спраданіями!... Тебѣ надобна вольная, свободная жизнь, а не семейспвенныя хлопоты; душевный покой и беззаботность, а не печальныя карпины недоспапка и невольной печали. «

— » Но... позволите дядюшка... «

— » Знаю, знаю о чемъ ты хочешь сказать!... Вѣрно ты спанешь увѣрять меня, что вы гоповы пожертвованъ всѣмъ другъ для друга. Не

сомнѣваюсь и въ эпозъ; но я спрошу у тебя, захочешь-ли ты самъ жениться на своей Лизѣ, будучи въ такомъ жалкомъ, разслабленномъ положеніи? женишься для того, чпобы, можешь быть, вскорѣ оставишь ее широкою, или чпо еще хуже, чпобы передашь своимъ дѣтямъ эпо болѣзненное изнеможеніе, которое заставишь ихъ сожалѣть о своемъ существованіи и даже заронить въ ихъ душу спрашнѣй для тебя упрекъ.... Чпо ты отвѣдишь имъ тогда на эпо? «

— » Нѣтъ, дядюшка!... нѣтъ!... Я не могу быть.... я не буду злодѣемъ! Есть Существо, Которому все извѣстно, Которое видитъ мое прямосердечіе.... Вотъ вамъ передъ Его лицомъ моя рука, мое честное слово....

я оставляю ее... да!... я оставляю её навсегда! «

— » Зачѣмъ крайности, молодой человекъ?... Зачѣмъ эпотъ рѣшишельный приговоръ: *навсегда*?... Чпо не годился нынче, по можешь быть очень хорошимъ черезъ нѣсколько времени. Я давно и коротко знаю Анну Ивановну, какъ женщину благоразумную, крепкую и благородную.... Я увѣренъ, чпо дочь ея имѣетъ прекрасное нравственное образование и можеть сослужить счастье добраго человека; но она еще очень молода — ты по-же: повремени немного.... Эй, послушайся спарика, котораго.... извини мое повпореніе.... котораго слушались спарики, когда онъ былъ еще молодъ! Между тѣмъ ты выздоровѣешь, сдѣлаешься поопытнѣе; привыкнешь къ серьезному дѣлу и, Богъ дастъ, вступишь на па-

кую дорогу, которая обезпечитъ мою будущность; а Лиза успеетъ научиться своимъ обязанностямъ, и тогда, если сердце ея не переменится... тогда совсемъ другое дѣло... Я самъ пряхну минуешь на моей веселой свадьбѣ!... Полно-же греваться, молодой человекъ!... Обними-ка спарика!»

— » Ахъ, дядюшка! вы себя не можете представить, сколько я вынесъ въ сегодняшнее утро!... Какія ужасныя перемены!... Какіе быстрые, рѣшительные переходы отъ одного сильнаго чувства къ другому: отъ опчаянія къ свѣплымъ надеждамъ, отъ надеждъ — къ мучительной горести!... Но теперешнее мое душевное положеніе невыразимо: это не спокойствіе, а какая-то унылая бездѣйственность, горькій плодъ горькой необходимости...

Дорого мнѣ стоило убѣдить себя въ невозможности насоящаго счастья; но я вытерпѣлъ эту пытку и какъ будто закалился въ ней... Мнѣ кажется, что съ этой минуты для меня будутъ чужды все постороннія впечатлѣнія... Я употреблю все мои силы, все мои способности, чтобы сблизить съ собою мое грядущее счастье... Прелестное имя Лизы будетъ для меня волшебнымъ фаросомъ, къ которому я пойду съ поспояннымъ терпѣніемъ. Быть можетъ, что судьба вознаградитъ меня за это!»

— » Люблю и хвалю мою разсудительность и мою благородную рѣшимость, которую ты высказалъ такъ кудряво; впрочемъ себя будетъ не такъ трудно, какъ ты думаешь: спрашенъ сонъ, да милосивъ Богъ!»

Вслѣдъ за тѣмъ дядя поговорилъ еще нѣсколько о поѣздкѣ, копорую выспавлялъ въ самомъ лучшемъ видѣ; сказалъ, что онъ никакъ не можетъ ожидать ничего хорошаго отъ службы племянника въ Пепербургъ и наконецъ, перемѣняя исподволь щекотливый предметъ разговора, свелъ къ самымъ обыкновеннымъ вещамъ.

— » Слупай - ка прогуляйся передъ обѣдомъ, да прїѣзжай ѣсть мою хлѣбъ соль; только пожалуйспа пораньше: я ужъ сорокъ лѣтъ обѣдаю во впо-ромъ часу. «

— » Я не заспаваю васъ дожидаться! «

— » Тѣмъ лучше!... Попомъ я опдохну немного, а шамъ, напившись чаю, опсправимся вмѣстѣ въ шеапръ. «

— » Ахъ, кака я мысль, дядюшка!...

Какъ - то на дняхъ, державши пари пропивъ Лизы, я проигралъ ей билетъ въ ложу бель-эпажа; пеперь будетъ очень кспапи заплапипъ ей свой долгъ; это чрезвычайно ее обрадуетъ: она такъ любитъ спектакли... Я не скажу объ васъ ни слова, когда буду опдавать билетъ, и напередъ воображаю удивленіе Лизы и ея мапери при встрѣчѣ съ вами въ шеапръ. «

— » Ну, хопъ это и не совсемъ ловко, но сегодня ты можешь дѣлать что тебѣ угодно: я очень радъ, что тебя это занимаетъ; къ тому-же и съ Анной - по Ивановной я человекъ свой, и такъ коропокъ и друженъ, что намъ нечего церемониться... Распорядись какъ вздумается: я на все согласенъ. «

— » Прощайтежь, дядюшка! «

— » Прощай, любезный мой племянникъ... до свиданія! «

— » Пошелъ въ театръ!... « закричалъ Вольдемаръ — и дрожки покапились....

Я не знаю, чего желаетъ эгоистъ молодой человекъ (Брушъ); но все, что онъ желаетъ — онъ желаетъ пламенно.

Цесарь.

ГЛАВА XV.

ЭДИПЪ ВЪ АФИНАХЪ.

Все дѣйствія человека такъ противорѣчатъ другъ другу, что нѣтъ возможности приписать ихъ одному и тому-же лицу....

Монтань.

Трудно, почти невозможно пересказать, что думалъ Вольдемаръ и что онъ чувствовалъ, или на оборотъ,

чего онъ не думалъ, и чего онъ ни чувствовалъ.... Въ душѣ его была какая-то чудная смѣсь всего и ничего.... Иногда, содрогаясь при одномъ воспоминаніи о данномъ словѣ, онъ хотѣлъ воропиться назадъ и сказать своему дядѣ, безъ всякихъ церемоній, что онъ не выѣдетъ изъ Петербурга ни за какія коврижки.... Но между тѣмъ онъ безмолвствовалъ.... Извоцикъ ѣхалъ впередъ, а слезы все капались, да капались изъ глазъ Поэта.

То вдругъ онъ какъ будто холодѣлъ ко всему; ничто окружающее не развлекало его вниманія: оно устремлялось въ какую-то мечпательную опдаленность; онъ задумывался.... думалъ.... думалъ....

— » Чпожъ ты оспановился какъ вкопаній? «

— » Да вѣдь вы сами, сударь, приказали ѣхать къ псапру. «

— » Точно.... Поспой-же здѣсь: я сей часъ выйду. «

Билетъ былъ взять и опвезенъ къ Буклинымъ. Такимъ образомъ намѣреніе Смолянова, не бывъ у нихъ при дни, уничтожилось само собою; но какъ-же можно было знать упромъ, что эпошъ спарый дядя будетъ говорить такія чудныя вещи? Я увѣренъ, что всякій правовѣрный Мусульманинъ, будучи на мѣстѣ моего героя, непременно-бы воскликнулъ: » Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Мухгамедъ — Пророкъ Его! «

— » Вы обѣдаете съ нами? « спросила Вольдемара его названая пѣпнянка.

— » Извините меня!... Я сегодня опозванъ. «

— » И такъ до вечера! я шпорплюсь кончить письмо. «

Она ушла въ свой кабинетъ ; онъ по-же взялся было за рукояпку замка, чпобы идти въ прихожую, только вдругъ что-то бѣленькое мелькнуло вдругъ изъ боковой комнаты, и прежде, нежели изумленный Поэптъ успѣлъ опомниться — передъ нимъ сползла его Лиза.

— » Братецъ!... Добрый мой братецъ!... « пролепетала съ неприпворнымъ участіемъ эта милая малюпочка;—скажице мнѣ пожалуйста, опгъ чего вы такъ скучны? «

— » Я скучень?... Напрорпвивъ!... эппо вамъ такъ кажется, сестрица? «

— » Сдѣлайце милоспъ, полнопе припворяться!... Вы меня не обманете: да и за что-жъ вамъ меня обманыва-

вапъ?... Чпо я вамъ пакое сдѣлала? «

— » Увѣрю васъ, милая сестрица. «

— » Перестаньте ради Бога!... Посмотрите только, какіе у васъ заплаканные глаза... Скажице - жъ — мнѣ братецъ всю правду... Если я не успѣю развеселиць васъ, такъ покрайней мѣрѣ поплачу вмѣстѣ съ вами. «

— » Милая Лиза!... Ахъ, Боже мой!... Извините меня!... простите мое невѣжество... но вы такъ добры и соспрадапельны... а я такъ несчастливъ!... сегодня некогда... завтра вы узнаете все. «

Надобно сказаць правду, чпо эппопъ коропенькой разговоръ въ полголоса, съ такимъ папетическимъ окончаніемъ, сдѣлалъ большой переполохъ въ сердцахъ брата и сестрицы.

Онъ такъ несчастливъ! думала она, Одна и двѣ. Ч. I.

и алмазные слезки спруились по ея розовымъ щекамъ.... Онъ пакъ несчастливъ! грустно повпоряла невинная дѣвушка.... Богъ съ нимъ!... Онъ меня не любитъ!... Чпо-бы ему сказашъ мнѣ объ эпомъ прежде!... Вѣрно онъ, бѣдненькой, влюбленъ въ кого нибудь и ему не отвѣчаютъ любовью.... Какъ мнѣ его жалко!... Можетъ быть я знакома съ эпою красавицею.... О! погда-бы я вѣрно спала хвалишь его передъ нею!... Я - бы заспавила ее полюбивъ моего добраго, моего милаго брапца!... Не понимаю, опъ чего-жъ эпо мнѣ казалось сперва, чпо онъ любитъ одну меня.... Ахъ, я глупенькая!... глупенькая!... Впрочемъ не ошибаюсь-ли я?... Посмотримъ, чпо-то онъ скажетъ мнѣ завпра?... Вѣдь обѣщался пересказашъ всё.... Ахъ! если бы только я могла помочь ему!...

Тиковы были мысли эпого прелестнаго созданія.... Она предавалась имъ въ продолженіи всего дня.... То украдкой вздыхала и плакала; по алыми горящими устами она грѣла свой плапокъ, прикладывала его къ своимъ глазамъ, чпобы осушить слезы — и снова вздыхала и плакала.

Наконецъ пробило шесть часовъ. Для вечерняго костюма выбрано было платье, которое, по словамъ милаго и добраго брапца, всѣхъ лучше шло ей къ лицу; она даже пожертвовала модною прическою и убрала свою голову пакъ, какъ убирала года съ два пому назадъ.

Пусть смѣются надо мною пѣ, у которыхъ въ запасъ много смѣха, думала она; за по эпоа уборка понравится моему миленькому брапцу.

Ударило семь — и Буклины опсправились.

Совсѣмъ другое происходило въ сердцѣ Вольдемара.

Участіе Лизы, ея ласки, эптѣ выраженія, копорья пакъ ясно обнаруживали ея любовь; все эпто вмѣсптѣ сильно поколебало въ немъ его великодушное самоотверженіе.... Онъ думалъ, чпо для него конечно будуптѣ тяжелы нѣсколько минуптѣ, въ копорья придепся ему выслушашпѣ упреки своего дяди; но чпо значашпѣ эптѣ нѣсколько минуптѣ въ сравненіи съ цѣлою жизнию!... Къ тому-же онъ предполагалъ очень основашельно, чпо въ случаѣ наспойчивости со спороны Сашина, ему споиптѣ пошько рѣшиптѣся сказашпѣ на-прямки эптому спарику, чпо онъ имѣептѣ оптѣ своего опца позволеніе ѣхашпѣ или не ѣхашпѣ, и

спасипельныхъ выдумокъ.... Туптѣ человекъ проявляепся въ полномъ его блескѣ, и кпю всегда неловокъ, нешупливъ, или угрюмъ за споломъ, поштѣ вѣрно ужъ вездѣ угрюмъ, нешупливъ и неловокъ.

Ободрипельные взоры дяди, рассказы Арскаго и леспѣ другаго Коллежскаго Секретаря, развлечки по немногу Поэпа, сколько можно было развлечь его въ наспоащемъ положеніи. Онъ даже улыбнулся, когда *восковый человекъ*, по своей привычкѣ, спалъ безпрестанно ссылапся на свидѣельспво *маленькаго*, и когда *маленькій* опвѣчалъ шѣмъ-же, ссылаясь въ случаѣ нужды на *восковаго*. Впрочемъ эпто взаимное рукомыпніе онъ почипалъ однимъ пошько слѣдспвіемъ ихъ дружбы, единомыслия и одинаковости понятій.

Когда вспали изъ-за-стола, старикъ опсправился опдыхать; гостпи опсправилсь по домамъ, а Вольдемаръ опсправился къ своимъ благопріятелямъ.

— » Чпо это вы пакъ скучны, почпеннѣйшій Владиміръ Николаевичъ? Не ужъ-по худья вѣспи опъ молоденькой Буклиной? «

— » То-по и жалко, Василій Петровичъ, чпо напропивъ!... Я шеперь почти уже не сомнѣваюсь въ ея любви и между пѣмъ долженъ бытъ несчастливъ по стеченію обспоятельствъ. «

— » Полнопе шупипъ!... Можеть ли это спаться?... Развъ не запѣваепъ-ли чего нибудь Яковъ Афанасевичъ? «

— » Да!... Онъ взялъ съ меня не только честное слово, но даже почти

чпо въ силу эшаго позволенія онъ оспаепся, не вѣдепъ и не поѣдепъ! Такова была покрайней мѣрѣ послѣдняя его мысль, съ конорою онъ вступилъ въ покои своего родственника.

Кромѣ двухъ закадычныхъ своихъ друзей, онъ нашель шамъ еще какихъ-по прехъ или чепырехъ чиновниковъ.... Вскорѣ, послѣ обыкновенной рекомендаціи, гостпи возобновили прежній разговоръ.

Вольдемаръ сълъ въ уголь и ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Черезъ полчаса кпо-по сказалъ ему шопопомъ:

— » Молодой человекъ!... не стыдно-ли бытъ малодушну какъ ребенку?... « (Эшо сильно кольнуло самолюбіе Поэта.)... » Вижу, продолжалъ шопѣ-же голось, » чпо пы начинаеш

сбиваются съ избраннаго побою пути...
Вижу, что ты хочешь измѣнить
честному слову, данному передъ ли-
цомъ Неба... Вижу, что ты не хо-
чешь слушать спарика, копораго... «

— » Не оканчивайте, дядюшка!... Я
вамъ повторяю мое слово: только не
оканчивайте! «

— » Смори — же, милый другъ, по-
мни, что.... «

— » Кушати готово! « сказалъ оп-
рывисто длиновязый лакей, въ длин-
нополомъ сюрпукѣ, какого-то сомни-
тельнаго цвѣта, и спарикъ, копораго,
когда онъ былъ молодъ, слушали спа-
рики, не успѣвъ досказать, что имен-
но слѣдовало помнить молодому чело-
вѣку.

Вкусный обѣдъ, приправленный хоро-
шимъ виномъ, есть, по моему мнѣнію,
одна изъ самыхъ счастливыхъ и душе-

клятвенное обѣщаніе, что я непре-
мѣнно поѣду въ Сибирь. «

— » Ну, Иванъ Дмитриевичъ!... Не го-
ворилъ ли я тебѣ напередъ, что этакъ
спарикъ, при всей своей добротѣ, вѣр-
но чѣмъ-нибудь повредитъ Владиміру
Николаевичу.... А? «

— » Опъ пого-по я и не согла-
шался съ побою, что онъ очень
добръ... Кпо-жъ бы могъ это предви-
дѣть?... Однако-жъ, покуда расскажи-
ше-ка намъ по подробнѣе все дѣло;
очень можетъ быть, что еще какъ
нибудь удастся и поправить, особливо
съ вашимъ умомъ. «

Вольдемаръ передалъ имъ почти опъ
слова до слова весь упрепннй разговоръ
съ дядею.

— » Вы извините меня, Владиміръ
Николаевичъ, « сказалъ наконецъ Арскій,
» а вашъ дядюшка очень спраненъ по

своимъ мнѣніямъ, которыя пахнутъ прошедшимъ вѣкомъ. Для меня чрезвычайно забавны его увѣренія, что никакъ нельзя въ одно время и любить пламенно, и служить ревностно.... Не знаю, какъ это вы оплошали, а я-бы, признаюсь, ни за что-бы не поддался этому старику, котораго когда-то слушали старики. «

— » Но я не успоаялъ, спало бытъ дѣло кончено; теперь надобно подумать о томъ, нельзя-ли его переждать.... Не пришцете-ли вы, господа, какихъ-нибудь средствъ. «

— » По моему, « сказалъ *восковый*, »вы должны покориться обстоятельству.... Какъ бытъ, Владиміръ Николаевичъ!... Плетью обуха не перешибешь.... Яковъ Афанасьевичъ можетъ выставить ваше благородное

упорство съ самой дурной спорной передъ вашимъ батюшкой и, вопль хопъ спросите у Ивана Дмитриевича, это можетъ навлечь вамъ большія непріятности. «

— » По этому нѣтъ никакой надежды? «

— » Почти что такъ!... Впрочемъ, мы похлопочемъ и завтра-же поговоримъ объ васъ съ дядюшкою.... Авось либо и уломаемъ его! «

— » Сдѣлайте милость! обяжите меня.... Я никогда не позабуду этой услуги, и будьте увѣрены, что благодарность моя.... «

— » Полноте пожалуйста говорить о своей благодарности! Намъ нужна только одна ваша дружба! « сказалъ *маленькой* и не преминулъ при сей вѣрной okazji сослаться на своего товарища.

Говорить-ли, что эти друзья оправились вмѣстѣ съ Вольдемаромъ въ пеапль, когда они узнали, что мамъ будетъ и Лиза. Такое любопытство слишкомъ естественнo!

Легко можетъ быть, что нѣкопорые изъ моихъ чипапелей, или кто-нибудь одинъ изъ нихъ, или наконецъ всѣ захопятъ узнать, почему Арскій и Бѣльскій такъ усердно спарались выжить изъ Пепербурга молодого Смолянова?... Въ такомъ случаѣ я буду отвѣчать нѣкопорымъ, или кому нибудь одному, или всѣмъ вообще, что они оба служили подъ начальствомъ его опца, спало бытъ хотѣли выслуживаться.... Разумѣется, что привезя съ собою Вольдемара, они бы спспарались высипавить свои небывалые подвиги чрезвычайно рельефно.... Разумѣется, они сказали-бы, что не-

опытный челоуѣкъ былъ привлеченъ, что онъ споялъ на краю пропасти, что онъ даже упалъ въ нее и что наконецъ, если-бы (чего Боже сохрани!) они не подоспѣли бы на помощь, тогда не видатъ бы ему своего сына, какъ собственныхъ ушей!... А все это, господа, такія вещи, копорыми даже у самыхъ холодныхъ людей можно выпорговать самое теплое мѣспечко.

Свиданіе со спарымъ другомъ дома, совершенно неожиданное для Буклинныхъ, было очень инперсно.... Анна Ивановна проширала себѣ глаза; Лиза повеселяла на нѣсколько минутъ: онѣ объ пѣняли Вольдемару, что онъ не порадовалъ ихъ прежде....

Не знаю правда-ли, но мнѣ говорили, впрочемъ самые вѣрные люди, что
Одна и двѣ Ч I. 11*

масперское предспавленіе превосходнаго Эдипа, котораго давали въ попь вечеръ, было совершенно поперяно для нашихъ общихъ знакомыхъ.... Только одинъ Василій Егоровичъ смопрѣлъ въ оба глаза и не проронилъ ни полслова; а спарики и молодые слишкомъ были заняпы другъ другомъ, что-бы обращапы вниманіе на что-нибудь другое. Однакожь, чупь-ли не придется сдѣлать небольшого исключенія для почпеннѣйшаго дядюшки.... Не понимаю, какъ успѣвалъ онъ, подражая Цесарю, заниматься вдругъ прермя очень важными вещами: слѣдитъ за ходомъ прагедіи, бесѣдовапы съ Анной Ивановной и чрезвычайно наблюдапельно присмапривапы за юными спрадальцами, которые между пѣмъ очень усердно мѣнялись самыми пламенными взглядами.... Но эпаго

мало!... Онъ даже успѣлъ скинуть долой съ коспей десятка при или чепыре поновѣсныхъ лѣпъ, и надобно опдапы справедливоспы его безприсспрапю, — онъ сознался, что будучи на мѣспѣ племянника, шрудно, почпы не возможно не влюбиться по уши въ такую живую, румяную, чудную брюнечку, какова была Лиза.

При разъздѣ, когда Вольдемаръ ушпвался блаженспвомъ ведя подъ руку и поддерживая въ пѣснопѣ свою мпленъкую сестрицу, когда его сердце, обманутое софизмами спраспы, начинало громко говорипы ему опрадное для него слово: *останься*.... въ эпо самое мгновеніе неумолнмѣй дядя подошелъ къ нему съ другой споронь, сжалъ ему руку и спросилъ вырази-тельно:

— » Нравился-ли тебѣ, мой другъ, эпа дочь, эпа кропкая Анпингона, которая не оставила своего дряхлаго старика? «

Бѣдный юноша не отвѣчалъ ни слова; но его обдало гробовымъ холодомъ.... Онъ задрожалъ, поблѣднѣлъ и, какъ испуганный привидѣнiемъ, опскочилъ отъ своей прелесной Лизы.

— » Брапецъ! « сказала она въ полголоса.... но онъ былъ уже далеко.... Около нее появились незнакомыя лица и ей показалось, что все въ мiрѣ оставили ее безпомощной сироткой....

Но, милоспивыя государыни и милоспивые государи, не довольно-ли для васъ на сегодняшний вечеръ эптъхъ XV-ти главъ?... Надобно сказать, что я самокъ человекъ, который знаетъ

честь и совѣсть, и потому я чрезвычайно боюсь, что-бы какъ-нибудь не наскучилъ вамъ.... Можетъ быть... просните моему авторскому самолюбю!... можетъ быть иные скажутъ мнѣ: » помилуйте!... намъ очень прiятно! « но я все-таки не увлекусь отъ ихъ учтивости, положу свое перо въ чернильницу, пойду ужинаать, и наконецъ пожелаю всемъ вамъ хорошаго аппетита и прiятной ночи: чѣмъ и кончился на этотъ разъ вся исторiя.

Большая гнига есть большое зло.

Каллимахъ. П. Г.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Главы.	стр.
I. Обыкновенныя вещи.	11
II. Чудныя вещи.	20
III. Чинъ.	47
IV. Человѣкъ въ гороховой шинели.	61
V. Вѣрные расчеты.	71
VI. Письмо.	81
VII. Аудіенція.	99
VIII. Толкучій рынокъ.	112
IX. Она.	129
X. Она-же.	148
XI. Самое безпристрастное разсужденіе.	158
XII. Каѳедра Физіономики.	170
XIII. Орестъ и Пилладъ.	184
XIV. Меншоръ и Телемакъ.	209
XV. Эдипъ въ Афинахъ.	237

